

Геннадий Ангелов

Дневник Норд Оста

Геннадий Евгеньевич Ангелов

Дневник «Норд-Оста»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606030

Аннотация

Здание театра в Москве захватили чеченские террористы. Три дня в заложниках для многих жертв, оказались трагическими. В один миг жизнь сотен зрителей превратилась в настоящий кошмар.

Главная героиня романа Ольга, попадает в непростую ситуацию, выход из которой граничит с жизнью и смертью. Находясь на волосок от гибели, она обещает одной из чеченских смертниц выполнить сложное поручение. Цена данного слова – свобода.

В опасных и невероятных приключениях герои романа на краю пропасти, среди холодных гор и ущелий, находят то, что помогает им выжить. Чувства любви и преданности придают сил, и не дают погибнуть в трудные минуты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	69
Глава 12	79
Глава 13	86
Глава 14	104
Глава 15	113
Глава 16	121
Глава 17	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Геннадий Ангелов

Дневник «Норд-Оста»

*... Я верю, что когда-то тишину,
Нарушат звуки сладких песнопений,
И кто погиб, не пережил войну,
К нам спустятся с небесных поселений!
Без крови, плоти, с чистою душой,
Расскажут об ошибках и тревогах,
Обнимут с неземною теплотой,
У двери – отчего порога!
Я верю, что когда-то тишину,
Нарушат звуки сладких песнопений,
И мир забудет – горе и войну,
На радость молодому поколению!*

Глава 1

Так уж устроен человек, что абсолютно спокойно жизнь у него протекать не может. Эта история произошла в Москве, в наше время. Осень выдалась на редкость тёплой и не дождливой. Я как всегда строил грандиозные планы на будущее, которым, к сожалению, не удалось осуществиться. Хотя не буду забегать вперёд и расскажу обо всё по порядку. Тем более, что история моя этого заслуживает.

Характер у меня спокойный, уравновешенный, по пустякам особо не «парюсь». Стараюсь поступать обдуманно и взвешенно, без мальчишеского ребячества. Жизнь, вообще, не гладко течёт, так ведь есть люди, которые, прямо-таки, не вылезают из нелепых ситуаций. Я, например. Коллеги ржут над этим, плюс, карьера не выстраивается. Скажете, из-за отсутствия или мизерности таланта? Может быть, но попробуйте его развить, если газетка небольшая, а раздел светских новостей на странице почти незаметен? И все же, надежда на звёздный час не покидала меня, хотя Фортуна, как и девушки, мало обращает внимания на курчавых невысоких парней. Нос-картошка, облачён в стандартный «прикид» – «куртец», потёртые джинсы, кроссовки, плюс рюкзак и наушники. Кому известно, что под такой внешностью кроется «золотой» характер? Тот-то и оно. Но речь не обо мне, а о премьерере спектакля.

В тот день я не опоздал, против обычного. Все же понимают, как сладки несколько минут после писка будильника...

Пока язык костерил наш футбол, руки разгребали бумаги, глаза пялились в ежедневник – что на сегодня: встреча, интервью? Организм принял чашку кофе, довёл статью и отважился сдать шефу. Около одиннадцати на нас повеяло изысканным парфюмом – от Лены, секретаря. Красивая, модная, одевается из бутиков.

«Откуда деньги?» – судачила редакция. Дамы завидова-

ли, а мужики томились в бесплодных мечтаниях и попытках растопить лёд.

– Сашка тебя на ковёр вызывает патрон, – сказала Леночка, при этом моргая ресничками, как бабочка крылышками.

– А повод какой? – спросил я, удручённым голосом.

– Не знаю, не знаю, иди и не задерживайся.

– В настроении шеф, или не очень? – спросил я Лену.

– С утра ещё никто не успел ему его испортить, так что поторопись.

При этом она повернулась спиной и ещё раз окатила меня с головы до ног парфюмом. Я тяжело вздохнул и направился к шефу. Настроение было не плохое, за собой я не чувствовал каких – либо угрызений совести касающихся работы.

– Тебе надо будет сегодня съездить на премьеру спектакля. Вот приглашение, – сказал мне Александр Иванович, протягивая билет.

Это был довольно грузного вида мужчина, который по натуре своей, отличался весёлым характером. Внешний вид, ни как не соответствовал внутреннему состоянию души человека. Но если кто-то из подчинённых не справлялся с работой, тогда лучше было не попадать под руку этого силача, кото-

рый справлялся с пудовой гирей, не хуже профессионального спортсмена.

– Посмотришь спектакль, и возьмёшь у кого-то из актёров интервью. Только давай друг без самодеятельности. Договорились? Я могу на тебя рассчитывать, или мне поручить это Валере?

– Александр Иванович, я не подведу, я такое интервью оторву – закачаетесь!

– Ну, всё, тогда бегом давай занимайся. Кстати, статья получилась что надо, я сам внесу кое какие мелкие правки и в печать. Жду, Сашка от тебя интересный материал, не подкачай.

Глава 2

От шефа я вышел в прекрасном расположении духа. После обеда взялся за новый материал, и с чувством выполненного долга, поехал домой.

«Наверное, приглашу я на спектакль Олю», – подумал я. С ней мы были знакомы со студенческой скамьи, и я души в ней не чаял.

Позвонив, я рассказал о пригласительном билете. Она, почему-то, не сильно обрадовалась приглашению.

– Ты знаешь Сашка, мне младший брат Женька уже все «уши прожужжал» об этом спектакле. Он играет в нём эпизодическую роль.

– Как играет? – не понял я.

– Как, как очень просто! У них в школе есть кружок народного творчества, они там ставят разные спектакли и постановки. Ты, что забыл об этом?

– Так, при чём здесь сегодняшняя премьера?

– А при том, что когда-то у них был главный режиссёр театра и присутствовал на репетиции. Потом выбрал несколько

девочек и мальчиков для участия в массовке. Теперь понял?

– Теперь да, просто ты об этом раньше ничего не говорила. Тогда в любом случае мы идём! Когда встречаемся? Начало в 21.00. Давай в 20.45, возле центрального входа. Хорошо? Ну, всё, целую и до вечера!

Я повесил трубку и поехал домой. Машины у меня не было и приходилось пользоваться общественным транспортом. Жил я на Арбате, в Староконюшенном переулке. Моя бабушка, которая была коренной москвичкой, рассказывала, что во времена Великой отечественной войны с нашей семьёй соседствовала блаженная Матрона. Бабушка рассказывала, что сам Сталин приезжал к ней за советом. Было это или не было, никто не знал правды? Рака с мощами блаженной старицы находилась в Покровском Ставропигиальном женском монастыре, неподалёку от Абель Мановской заставы в Москве. Богомольцы выстраивались в километровые вереницы, чтобы приложиться к мощам Матроны.

Бабушка моя была заядлая коллекционерка. Глаза у неё блестели, и она находилась в приподнятом настроении, когда увидела меня. С новой короткой причёской, выглядела она моложе своих лет. Хотя давно уже была на пенсии. С возрастом она заметно поправилась, а раньше фигурой могла соперничать с Людмилой Гурченко. В добрых и ласковых гла-

зах всегда проявлялась забота о семье. Несмотря на возраст, бодрая и энергичная. Одевается со вкусом, любит практичные вещи, особенно тёплые свитера из ангорской шерсти.

– Эх, бабушка, что-то опять купила? – спросил я.

– Тебя Сашка не проведёшь, ты прав, купила, – и она с улыбкой подмигнула.

– Давай покажу, что сегодня мне попало на рынке.

Она как истинный коллекционер, ходила по базарам с лупой, высматривая раритетные вещи. Была просто без ума от знаменитого английского фарфора. Такие вещи коллекционировала императрица Екатерина. «Веджвудский» фарфор настолько прочен, что не даёт сколов. На четыре сервизных чашки водружали «Роллс-ройс». И представьте, изделия выдерживали вес автомобиля! Бабушка позвала меня в свою комнату и показала несколько чашек.

– Это из знаменитого «Веджвудского» фарфора?

– Да! – сказала она с гордостью, высоко подняв голову.

И тут же начала рассказывать, как и где их увидела.

– Ты только представь, эти чашки просто валялись среди старой посуды и ни кому не нужной кухонной утвари.

Я знал, что рассказ займёт не один час, обрастая всё новыми деталями и подробностями. Как человек воспитанный вначале я не перебивал, но после не удержался и сказал:

– Бабуля, ты прости, что перебиваю, но мне сегодня идти на премьеру спектакля и надо успеть перекусить и переодеться.

Чмокнув её в щёку, я побежал на кухню. А там стоял невообразимый запах моих любимых пирожков с вишнями. Вкус их всегда меня возвращал в детство. Наевшись «от пуза», я запил горячим чаем, и был таков. Но только хотел убежать, как донёсся мягкий и настойчивый голос бабушки.

– Сашенька!

– Когда ты придёшь с Олечкой? Давай ты пригласишь её на выходные. Я испеку пирог, и мы будем пить чай из моих новых приобретений! Хорошо?

– Да, бабуля, я передам Оле. Ты же знаешь, что она любительница полакомится твоей выпечкой и обязательно придёт.

Так сложилось, что моим воспитанием занималась бабушка. Родители у меня погибли в автомобильной аварии, когда мне было девять лет. По вечерам я продолжал ждать отца с работы, чтобы вместе с ним складывать новую железную дорогу. А на выходных мечтал поехать с ним на рыбалку. Долго не мог поверить в то, что родителей больше нет и я один на всей огромной земле. Бабушке было трудно со мной, ребёнком я рос непослушным. Часто убегал из дому и по вечерам возвращался поздно. Но любовь и душевное тепло, которое вложила в меня бабушка, со временем, дало, свои плоды. Я взялся за ум, с отличием окончил школу, поступил в институт. Хотя всегда стремишься к чему-то большему, и в мечтах своих я представлял себя состоявшимся и успешным человеком.

Бабушка мой самый преданный и верный друг! У меня от неё нет секретов, и я с удовольствием прислушиваюсь, к тому, что она говорит. Прости, дорогой читатель, что я немного ушёл в сторону от своего рассказа...

Я собирался на спектакль, но что-то внутри мучало и терзало. Какие-то не совсем хорошие предчувствия. С чем это было связано, я не знал, и старался как можно дальше отгонять навязчивые мысли. Из философов мне нравился Сенека. И вот почему-то именно его слова приходили сейчас на

ум: «Люди не умирают, они убивают себя!»

В этих словах, безусловно сокрыта глубокая истина, которая на первый взгляд, кажется, очень простой. Каждый человек мог бы жить долго и счастливо, если соблюдать определённые условия. Простая, здоровая пища, чистый воздух, вода, отсутствие стрессов. Работа, которая нравится, крепкая и дружная семья! Вот не совсем полный комплект составляющих здоровье и долголетие. Конечно, его можно повысить во много раз, хотя, по моему личному мнению, этого вполне достаточно. Достигнуть успеха желает каждый человек, но, к большому сожалению, не у всех это получается. И всё так и остаётся на прежнем месте. Хорошие идеи, планы, которым так и не удаётся осуществиться. И как уже давно принято у нас говорить: «Хотели как лучше, а получилось как всегда...»

Итак, к восьми вечера я был полностью готов к предстоящей премьере. Мельком взглянув на себя в зеркало, я остался доволен, своим внешним видом.

«Всё нормально и хорошо», – повторял я, стараясь привести в порядок мысли и чувства. Появился холодный страх, но откуда? Я не мог сосредоточиться и вышел на лестничную площадку. Закрыв дверь на замок, начал спускаться по ступенькам к выходу.

– Мяу-мяу, – слышалось под ногами. Внезапно испугавшись, я прижался к холодной стене.

Глава 3

На улице свежий воздух постепенно развеял мрачные мысли, и на душе стало спокойней.

– Ты не жениться собрался? – спросила соседка.

– Пока ещё нет!

Улыбнувшись, я приветливо поздоровался с ней.

– Иду в театр, на премьеру! А жениться мне ещё не хочется. Знаете, как говорят: «Женится не напасть, как бы после не пропасть».

Прохожие спешили после работы домой, магазины сверкали всеми красками радуги. На плакатах девушки предлагали самые разнообразные товары.

«И это ещё не ночь, – подумал я, – а только вечер».

Ночью Москва живёт своей, особенной жизнью. Клубы, дискотеки, казино. У меня были знакомые, которые ночью развлекались в клубах, а утром приходя домой, ложились спать, на целый день, до вечера. Это мажоры – дети олигар-

хов, которых сейчас появилось как грибов после дождя. Навистывая мелодию популярной группы, я шагал навстречу к Ольге. Любовь? Наверное, хотя мне казалось, что к ней я испытываю чувства гораздо чище и прекрасней!

Для меня она была как «лучик света в тёмном царстве», делающей мою жизнь насыщенной и интересней. Ещё в школе, потом в институте Оля была старательна и прилежна, любимицей всех учителей. Её душевное обаяние не раз выручало в трудных ситуациях. И учителя практически всегда шли ей на встречу. С такой солнечной улыбкой, и необыкновенным душевным теплом, она с лёгкостью добивалась поставленных целей, и мне порой приходилось брать с неё пример. Если бы я знал заранее, чем закончится этот вечер...

Жаль, но никто не знает, что «день грядущий нам готовит». Оля, почему-то опаздывала, и я нервно курил, сигарету за сигаретой. Где она? Может, что-то случилось или в пробке застряла? Почему не звонит...

Телефон её находился вне зоны доступа. Я нервничал и не переставал смотреть по сторонам. Вокруг творилось, что-то невообразимое. Музыка, море цветов, улыбки, смех. Подъезжавшие машины, сверкали краской от яркого блеска рекламных огней. Из них выходили элегантные мужчины в костюмах, под руку с ослепительными спутницами. Создава-

лось впечатление, что через несколько минут наступит Новый год и куранты пробьют двенадцать раз. Настолько всё было ослепительно красиво!

Внешний фасад театра горел разноцветными огнями, а в этой музыке звучало одно слово: «Премьера! Премьера! Премьера!»

Оли не появлялась, и я был, настроен на серьёзный разговор по поводу опозданий. Время шло, неумолимо вперёд и спектакль как я понимал, уже начался. Решив подойти ближе, к центральному входу, я направился туда, в надежде на то, что возможно Оля ждёт меня там. Из здания театра доносились хлопки похожие на выстрелы.

«Нет, – подумал я, – это обычный фейерверк или петарды, но ни как не, что-то другое. Но может и выстрелы?»

При подходе к театру я заметил, как по дороге несутся с включёнными сиренами милицейские машины. Тормоза у них визжали как на гоночном треке. В голове пронеслась мысль: «Наверное, случилось, что-то ужасное». Десятки машин блокировали здание, милиция тут же оградил территорию.

Ко мне подошёл не молодой капитан милиции и попросил

предъявить документы. Моё журналистское удостоверение его вполне устроило. На мой вопрос, что здесь случилось, он ответил с явной неохотой.

– Здание захватили террористы! Прошу вас удалиться за ограждения.

Я даже не сразу сообразил то, что он сказал.

– Какие террористы? В Москве?

– Такого, просто не может быть!

«Это всего лишь армейские учения», – подумал я. Но это призрачное спокойствие улетучилось после того как я увидел, что подъезжают военные машины с ОМОНОм, а из здания доносятся настоящие автоматные очереди.

Из архивных материалов:

– «23 октября 2002 года в зале бывшего Дворца культуры, где проходило представление мюзикла «Норд – Ост», вечером в среду проникла группа неизвестных вооружённых людей. Они открыли огонь в воздух. Зрителям выходить из зала не разрешали. Им дали возможность сделать звонки по мобильным телефонам знакомым и близким. На место проис-

шествия выехали сотрудники группы «Альфа». По данным источника в ФСБ в заложниках находится весь зрительный зал, вместе с персоналом, а это не менее 1000 человек. Актёры заперты в гримёрках, с ними есть мобильная связь. Актёры говорят тихо, боясь привлечь к себе внимание. Террористы отпустили всех заложников мусульман и небольшую группу детей».

Этот телефонный звонок запомнится на всю оставшуюся жизнь. Мобильный сигнал заставил выйти из мрачного оцепенения, вспомнить то, что я так и не встретил Олю. Доставая дребезжащий телефон из внутреннего кармана куртки, я чуть было не упустил его на землю. Нажав на кнопку, я услышал дрожащий голос Ольги, который, почти умоляя, произносил моё имя:

– Саша, Сашенька, Сашенька! Это я!

Внутри у меня похолодело, потому что в доли секунды я осознал – моя любимая девушка, находится в захваченном здании, и в настоящий момент я ни чем не могу ей помочь.

– Да, Олечка, родная, говори.

– Мы с Женькой в зале, здесь полно вооружённых людей. Они, что-то кричат и ругаются. Разрешили сделать один зво-

нок домой. Ты, пожалуйста, позвони родителям и объясни, что с нами произошло.

– Как ты туда попала?

Я понимал, что несу чушь, и сейчас абсолютно не важно, как она там оказалась. Мой мозг лихорадочно работал, пробуя найти какие-то варианты, для выхода из этой ситуации. Только сознание подсказывало, что всё бесполезно. Когда ты не «Рембо», не «Терминатор», ни ещё кто-то из киношных героев. А простой, обычный человек, который не может десять раз подтянуться на турнике.

– Олечка я люблю тебя, помощь уже здесь рядом.

Это всё, что успел я ей сказать. В трубке нависла гнетущая тишина и, пробуя ещё раз набрать её номер, я слышал ответ автоматической связи: «Ваш абонент временно не доступен...»

Я ходил, какое-то время по улице, ничего не соображая. В ушах звенело, перед глазами мелькали лица женщин и детей. Всё закружилось в обратном направлении, и жизнь, на какое-то мгновение, остановилась. Мне казалось, что я снова остался один на всей земле. Что делать дальше? Руки непроизвольно опустились от безысходности. Подбегающие люди

постепенно оттеснили меня к дороге, и я начал удаляться то этого хаоса в другом направлении. Нужно было время прийти в себя, всё обдумать и взвесить. А уже после предпринимать определённые шаги. Может действительно реально помочь Оле, Женьке и другим людям, которые оказались заложниками этой страшной ситуации?

Из архивных материалов:

– «Правоохранительные органы установили, что в 21.00 к Дворцу культуры подъехал белый автобус с затемнёнными стёклами, из которого выбежали 50 вооружённых человек. Они ворвались во Дворец культуры и захватили в заложники людей. Движение по улице Мельникова перекрыто, на место происшествия вызван ОМОН и спецподразделение СОБРа. По слова милиционеров, в окне второго этажа они видели женщину, которую сопровождал человек с автоматом. На место выехали все оперативные службы, обстоятельства захвата выясняются. К захваченному террористами зданию прибыли снайперы. Несколько человек, которые дозвонились в милицию, сообщают, что террористы начинают минировать здание. Среди заложников трое граждан Германии и трое Великобритании».

Глава 4

Родители Ольги дежурили у здания театра. До этого я позвонил им и рассказал, что произошло. Отец Оли выслушал спокойно, но вот с матерью едва не случился сердечный приступ. Возле театра собралось в общей сложности около пяти тысяч мирных жителей. Многих москвичей родственники находились в заложниках. Непривычная картина для Москвы, в мирное время. Я позвонил шефу домой и объяснил ситуацию. Он уже был в курсе всех событий. Практически все радиостанции, телеканалы передавали подробности этой трагедии. Шеф мне поручил находиться там и детально записывать всё происходящее. Держать с ним связь и сообщать в редакцию об изменениях. Тогда я ещё не знал, что это первый вечер длинного марафона, название которому – терроризм.

Из архивных материалов:

«Радио Маяк связалось с сотрудником захваченного вечером в Москве концертного зала.

«Я всё слышу по трансляции, – говорил ведущий. – Во время спектакля в зал ворвались люди в масках и бронежилетах. Часть людей успела уйти за кулисы. В зале 700 чело-

век. Было много выстрелов, автоматные очереди. Шёл разговор о том, что у них в руках находятся бомбы и мины, что идёт война, и они действуют как на войне».

Эту информацию получали по трансляции. Чуть позже сообщили, что террористы освободили 150 человек из числа заложников. В столице правоохранительные органы ввели в действие план – «Гроза». Патрулирование города происходит в усиленном режиме. Мэр Москвы Юрий Лужков лично выехал в ДК ГПЗ-1, где зрители мюзикла «Норд – Ост» захвачены неизвестными преступниками в заложники. Переговоры с террористами результатов не дали. В здании заканчивается питьевая вода. Депутат Госдумы РФ от Чечни Асланбек Аслаханов и Руслан Хасбулатов вошли в захваченное здание дворца культуры для переговоров с террористами. Однако переговоры пока результатов не дали».

«Кто они эти люди? Чего хотят?» – думал я.

Народ пребывал в недоумении пока террористы, не выдвигали ни каких требований. От неизвестности, среди родственников, захваченных в плен заложников, началась паника. Люди реально не знали, что делать, и как помочь своим родным? Кто-то предлагал собирать деньги на выкуп. Другие говорили, что надо поехать на приём к Президенту. Медики не прекращали своей работы, большинство женщин и

стариков находились в плачевном состоянии. Люди, обеспокоенные происходящим, всё подходили и подходили. Чужой беды не бывает и практически каждый житель Москвы приносил – тёплую одежду, чай, бутерброды. Морально поддерживая тех, у кого родственники находились в плену.

– Террористы освободили не большую группу заложников, – такая новость моментально облетела всех. Дети... Их, к сожалению, было немного. От такой картины сердце начало стучать громче, к глазам непроизвольно подступили слёзы. Взрослые кричали, искали своих детей по именам, фамилиям.

– Вера! Наташа! Серёжа... – Крики заглушали радостное оживление и душевный подъём. В глазах людей появились искры надежды.

– Женька, – наконец-то, вскрикнул я.

Его тут же подхватил на руки отец. Слава богу – живой! Расталкивая локтями собравшихся зевак, я спешил к нему. Отец уже обмотал Женьку большим клетчатым одеялом, а мама наливала из термоса тёплый чай.

– Дядя Саша! Дядя Саша! – позвал меня мальчик. – Оля осталась там, в здании, её не отпустили.

Мать Женьки не давала ему говорить, всё время, целуя и обнимая. К нам подошёл крепкого вида «омоновец», и пригласил родных Женьки к машине, для выяснения личности и прочих формальностей.

Из архивных материалов:

«Преступники располагают автоматическим оружием, гранатами, поясами с взрывными устройствами, минами и канистрами с бензином. Был установлен первый телефонный контакт с террористами. Одним из требований является выплата крупной денежной суммы. Внутри здания у всех заложников отобрали сотовые телефоны. В городе создана горячая линия, по которой можно узнать о тех, кто находится в заложниках. В МЧС отметили, что телефоны разрываются от звонков, причём звонят не только родственники, но и простые граждане, желающие хоть чем-то помочь».

– Москву атаковали чеченские смертники. Их требование одно – вывод федеральных войск с территории Чечни.

Вот так да. В оцеплении я встретил давнего приятеля, который работал на одном из московских телеканалов. Мы пытались разговориться, только ничего не получалось. Из захваченного здания доносились крики людей и глухие автоматные очереди. От этого становилось жутко и, по правде,

дрожали колени. Создавалось впечатление, что в эти минуты и часы, весь мир сошёл с ума, настолько страшно было ощущать нахлынувший хаос. Я не отводил глаз от тёмного здания, и мысли мои всё время возвращались к Ольге.

«Как там Оля? Но кто, и зачем, будет убивать девушку? Если чеченцы требуют выкуп, то скоро всех освободят. Правительство не позволит случиться такому произволу. Привезут деньги и всех отпустят» – думал я, нервно теребя карманы куртки.

Боже мой, какой тогда я был наивный. Это по истечении нескольких лет я рассуждаю здраво и пытаюсь передать обстановку, которая сложилась. Но тогда я хватался за каждую спасительную соломинку, в надежде, что ничего страшного не произойдёт.

«Бедная моя девочка. Как бы мне хотелось быть рядом с тобой, в те минуты. Согреть своим теплом, заботой и любовью».

Странная штука жизнь, ещё несколько часов назад, люди которые попали в заложники, занимались привычными делами. Кто-то находился на работе, в отпуске, собирался на курорт и т. д. и т. п. В одно мгновение всё рухнуло и оборвалось. Начался совершенно другой жизненный виток. От-

крылась страшная и глубокая пропасть, в которую угодили незнакомые друг для друга люди. От прежней жизни не осталось и следа. Только маленькие и почти незаметные, словно пылинки, воспоминания. И они как у мужчин, так и у женщин, в эти часы вызвали сожаление и слёзы.

Корреспонденты и журналисты со всех уголков планеты замерли в ожидании развязки этого действия. Каждый из них пытался донести до читателей свою версию развития дальнейших событий. Приводились примеры из недалёкого прошлого, когда происходили захваты заложников. Правда, никто не мог припомнить случая – цинизма и наглости, когда в одном из самых крупных городов мира происходило нечто подобное. Большинство пребывало в недоумении, понимая, что в любом случае будут жертвы среди заложников. Такова суровая действительность. И от этого никуда не денешься.

Из архивных материалов:

«Во главе чеченского отряда Мовсар Бараев. По его словам в отряде помимо моджахедов 40 вдов чеченских бойцов, лица которых закрыты чадрами. Здание заминировано. Все участники операции обвязаны минами. Мовсар Бараев заявил, что те, кто приехал в Москву, являются смертниками. Требование одно – прекращение войны, начало вывода российских оккупационных войск из Чечни. Бараев также

заявил, что моджахеды пришли в Москву не выжить, а умереть. Акция по массовому захвату заложников в Москве – ответ группы боевиков убитого год назад полевого командира Арби Бараева, за уничтожение своего лидера».

Глава 5

Продукты питания и питьевую воду террористы не разрешали передавать в здание. Ситуация была не в пользу невинных и незащищённых людей. Строились различные догадки и предположения. Никто не смог дать чёткий ответ, как могло такое произойти? Многие известные люди, политики, деятели искусства пытались вступить в переговоры с террористами. Все, попытки не давали ни какого результата. Террористы не снимали своих требований, продолжали настаивать на выводе войск из Чечни.

Из архивных материалов:

«Террористы утверждают, что застрелили сотрудника ФСБ. Они позвонили в агентство Кавказ-Центр и заявили, что у российского правительства есть семь дней, для решения вопроса остановки войны и начала вывода российских оккупационных войск из Чечни. Если за неделю этот вопрос не будет решён, то здание со всеми заложниками взорвётся».

– Боевики действовали наобум, если они и знали план здания, то только как зрители. Это, на мой взгляд, хаотический захват, – сказал помощник режиссёра театра.

А где же Женька? Я совсем о нём забыл. В этой суматохе было трудно разобраться, кто и где находится... Повернув голову направо, потом налево, я не заметил родителей Женьки. На улице похолодало и пронизывающий ветер, заставлял людей дрожать. Пройдя вдоль ограждения метров пятьдесят, я увидел группу журналистов с главным оператором. Они брали интервью у Женьки! Вот это да! Герой дня и настоящий мужчина! В школе все ребята будут ему завидовать, а девочки присылать записки с просьбами о свидании. Приблизившись, я услышал интервью подростка каналу ОРТ:

– Пришёл человек с автоматом и чёрной маске. Он стрелял в потолок и орал на людей. Нервничал и заставлял, чтобы они садились в первые ряды зала. Потом я увидел женщин, но они были как-то неестественно толстые и не поворотливые. Один из боевиков указывая на женщин, сказал с гордостью в голосе, что они обвешаны взрывчаткой. Другой чеченец сказал, что за десять минут, они заминируют весь зал, и отпустят домой только некоторых детей. И ещё они говорили, что если военные будут штурмовать здание, то взорвётся весь зал.

– На каком языке разговаривали боевики? – спросил сухощавый журналист.

– Точно не на не русском, – ответил по-военному чётко Женька. – Сказали, что хотят окончания войны.

– А что делали остальные? – спросила симпатичная девушка, с длинным микрофоном.

– Люди молчали и переговаривались шёпотом. За кулисами сцены были слышны автоматные очереди.

Женька говорил спокойно, не волнуясь. В это время мама с нежностью гладила рукой по голове, успокаивая таким образом.

– Ты был один на представлении? – спросила девушка.

– Нет, я пришёл на представление с сестрой Олей. Её не освободили и она ещё там. Меня выпустили вместе с моим другом Максимом.

Видно было по мальчику, что спокойствие давалось ему с трудом, и он нуждается в помощи медиков. Хотя для подростка, Женька был на высоте и держался как настоящий герой. Не каждый смог бы так себя вести.

Власти предпринимали определённые действия, это было видно по военным и органам правопорядка. Люди не покидали своих постов, пристально наблюдая за театром. Огни

погасли на фасаде здания, и ночь сделала внешний вид зловещим. От гнетущего напряжения спать совсем не хотелось. Время было за полночь.

Я ходил, искоса поглядывая в сторону здания. Мысли путались, и я не мог сосредоточиться. Ветер пронизывал мою лёгкую куртку, и приходилось делать приседания, чтобы согреться. Оля была девушкой не из робкого десятка. Несколько раз летом прыгала с парашютом, посещала авиа кружок. Тогда я пытался её отговорить, но она даже слушать не захотела. Характер у неё был отца, а вот душевная мягкость от матери. Я делал записи в блокнот, хотя и так прекрасно понимал, что это всё запомнится очень надолго, до мельчайших деталей. Пару раз звонил шеф, подбадривая меня как мог. Напряжение росло с каждой минутой, и от этого становилось невыносимо трудно и грустно.

«Как себя поведёт милиция? Отдаст приказ Президент, или нет» – думал я в томительном ожидании.

Среди людей строились самые фантастические догадки. Один мужик в зимней куртке типа «Аляска» и спортивной шапочке, с лицом побитым оспой, твердил, что он бывший военный и приводил свои доводы.

– Отдать приказ на штурм здания – значит положить на

себя всю ответственность, за те жертвы, которые могут быть, в ходе действий военных. Кто на такое согласиться? Я вас спрашиваю?

И он внимательно посмотрел на собравшихся зевак.

– Какие бы не были крутые бойцы спецназа, но и они не знают, как себя поведут террористы, – сказал он с явным воодушевлением в голосе.

Потом прокашлялся и выпил минералки из бутылки.

– Малейшая оплошность и жертв, среди заложников, может быть намного больше.

Он смачно плюнул на землю, и махнул с сожалением рукой, потом направился, прихрамывая на правую ногу, в сторону театра. Я провожал его долгим взглядом, до тех пор, пока огрузлая фигура бывшего военного не исчезла в переулке.

Это в кино один человек спасает громадное количество людей, при этом не получая даже малейшей царапины. Смешно, не правда ли? Да ещё ни разу за время действия фильма, не перезаряжая пистолет. Не знаю как вам, но я уже давно не смотрю таких фильмов. Скучно и неинтересно.

Я бесцельно проводил время в ожидании, думая о чём угодно, лишь бы поскорее пролетела ночь, и стало, хоть о чём-нибудь известно. Считал минуты, потом часы, надеясь на благоприятный исход. Казалось, что передумал обо всём. Народ тоже утомился ждать. Кто-то сидя дремал под деревом, или просто ходил вперёд-назад, от отчаяния обхватив голову руками. Некоторые на скамейках шептались, стараясь не нарушать временное спокойствие. Наступили часы тишины, и казалось, что вся Москва, замерла, боясь лишним словом, звуком разбудить в террористах ненависть.

Глава 6

Из архивных материалов:

«Террористы требуют воздержаться от штурма концертного зала. За каждого пострадавшего они обещают расстреливать по десять человек. Сами себя называют смертниками из 29-й дивизии. В концертном зале царит крайне напряжённая обстановка. Террористы предупредили, что если снаружи раздастся хоть один выстрел, начнётся стрельба по заложникам. По словам очевидцев на всех боевиках находятся взрывные устройства. Милиция усилила кордоны вокруг здания и не пускает журналистов за ограждения, за исключением тех, кто пришёл заранее и родственников захваченных людей! Дети находились долгое время в автобусах и многих не отдавали родственникам. Террористы выпустили из здания беременную женщину. «Альфа» готовит план захвата здания. Об этом вполголоса переговаривались журналисты. В здание можно проникнуть как с главного входа, так и из соседнего здания, где размещается – «Институт человека».

Я увидел как бойцы «Альфа» прибыли к зданию. Воору-

жённые до зубов, они действовали чётко и слаженно. Присутствующие журналисты строили разные версии. Валерка с ОРТ говорил, что «Альфа» за час решит эту проблему. И не успевал хвалить своего одноклассника, который служит в этой спецгруппе. Женщины были против силового захвата здания и твердили, что всё надо решать мирным путём, и не идти на уступки террористам. Мнения людей расходились, да и я сам вначале был то на одной стороне спорящих, то на другой. Сергей из НТВ не был согласен с тем, что подобного рода захваты заложников, могут привести к окончанию военных действий в Чечне.

– Когда захватывают заложников, войны не заканчиваются, а только разгораются, – твердил он. – Пять актёров сумели сбежать из захваченного здания, – сказал он с вызовом в голосе.

Стало понятно, что люди не сидят, сложив руки, и принимают конкретные шаги к спасению.

– Как, ну как они это сделали? – спрашивали люди друг друга.

К ним подошёл высокий, подтянутый майор милиции и объяснил.

– Актёры вырвались из гримёрной комнаты, где были заперты террористами. Они связали простыни и по ним спустились из окна на землю. Всего убежало пять человек.

Он хотел, что-то ещё сказать, но его вызвали по рации, и он затерялся в толпе.

«Плохо, что пять человек, а не больше» – думал я, прищуривая глаза.

Снаружи здания, периодически звучали выстрелы, это заставляло машинально втягивать голову в плечи. Был страх, что террористы начнут стрелять из окон по прохожим. Сотрудники милиции были приведены в состояние боевой готовности.

Три дня томительного ожидания. Страх неизвестности парализовавший каждую клеточку организма. Я буквально на несколько часов приезжал домой, чтобы перекусить и переодеться. Нервы были на пределе, натянуты как гитарные струны. Сна не было. Он пропал с первого дня захвата. Если и засыпал, то буквально на какие-то минуты. Проваливался в короткий сон, в нём звучали выстрелы, рыдали женщины и дети. Мужчины в масках постоянно угрожали оружием и желанием взорвать всё, что их окружает. Липкий пот застилал глаза, и я от сильной головной боли просыпался. Бабуш-

ка каждый день принимала сердечные капли, и была чрезвычайно взволнованной.

Штурм здания. Я уже чётко понимал, что он обязательно будет. Только как всё пройдёт? Этот вопрос не давал мне покоя. И даже в коротких промежутках сна, я бежал по лестницам, стрелял, спасался от невидимых преследователей.

Женька уже был дома и буквально рвался поехать со мной. По правде я был против, понимая, что он не меньше меня переживает за сестру. Врачи ему рекомендовали находиться дома, и он под строгим контролем матери сидел недовольный взаперти.

«Пускай обижается, это не страшно. Нельзя дважды подвергать жизнь подростка опасности» – думал я.

Один раз говорил с мамой Оли. Она в слезах просили меня держать в курсе событий и, по возможности, сразу сообщать новости. Мой начальник обещал тоже приехать, чтобы самому всё увидеть. Кто-то из близких его друзей сказал, что возможно ночью будет штурм здания.

Это был третий день трагедии. Шеф храбрился, хотя я слышал в телефонной трубке недовольный голос его жены, которая кричала, что он никуда не поедет. Террористы по-

ставили главное условие, что если войска не выведут из Грозного, они начнут каждые полчаса расстреливать по одному заложнику. Правительством было принято единственно верное решение брать штурмом здание. Солдаты готовились к операции, а гражданские следили за действиями военных с замиранием сердца. За несколько часов до начала штурма наступила полная тишина, создавалось впечатление, что всё происходящее – новая компьютерная игра, и вот-вот, можно будет легко перейти на новый уровень.

Глава 7

Штурм театра.

Ровно в шесть утра, когда город только начинал просыпаться, в здании прозвучал выстрел. Он и послужил сигналом спецназу к штурму. Техника была полностью подготовлена, в том числе два подъёмных крана. Напротив главного входа с суровым видом расположились два БТРа. У меня непроизвольно сжались кулаки. Внутри всё замерло и напряглось. Мужчины пристально наблюдали за действиями военных, старались поддержать жён и матерей. Надо отдать должное солдатам, они действовали чётко и оперативно. За какие-то двадцать, тридцать минут, здание снаружи было полностью блокировано. Милиция проводила расчистку района от транспорта. Даже рассматривался вариант вывода людей из ближайших к зданию театра домов. Прозвучало несколько взрывов и автоматных очередей. Зрелище по правде не для людей со слабыми нервами. В оцеплении стояло бессчётное количество машин скорой помощи. Никто не мог предугадать, сколько останется в живых, и количества раненных. А дети? Для них это было суровое и страшное испытание. Как они провели три дня без нормальной еды и

ПИТЬЯ...

И вот солдаты стали выводить людей из здания. Что тут началось...

Кольцо оцепления, просто не выдержало натиска граждан и порвалось. Люди бежали на помощь заложникам, сметая всё и всех на своём пути. Из здания театра шёл густой дым, который как утренний туман медленно рассеивался по улицам. Я сам не выдержал и рванул к зданию, чтобы найти Олю. Военные выносили детей на руках. Большинство из них были без сознания. Люди кашляли и чихали, и спешили как можно скорее вдохнуть чистого, утреннего воздуха. Я прикрывал рот носовым платком, стараясь не делать глубоких вдохов. Но всё-таки вначале схватил изрядную порцию отравляющей дрязи. Во рту появился привкус металла, глаза щипали и слезились. Пробиваясь через неуправляемую толпу, я искал глазами Олю.

При штурме спецназовцы проломили стену и пустили газ. Заложники получили отравление верхних дыхательных путей. Это единственно правильное решение, которое было принято военными при штурме. Другого выхода не было. Все террористы, а их было 56 человек, убиты.

Когда я вбежал внутрь здания, то сразу увидел Олю. Её

несли два врача на носилках. Сердце в эти мгновения оборвалось от невыносимой боли.

– Не может быть, чтобы она была убита, – шептал я, призывая всех святых на помощь, я упал перед носилками на колени и схватил рукой врача.

– Успокойтесь, молодой человек, – сказал врач, освобождая халат от моих рук. – Девушка ранена в плечо, и я вам даю гарантию, что жить она будет.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу. Впервые за три дня мне стало легче. Я смотрел на врача мокрыми от слёз глазами и не верил, что всё позади.

Олю понесли к машине, прикрывая рану бинтом. Я не шёл, а летел за ними, радуясь как ребёнок, что она жива.

Родителей Оли я не встретил и поехал вместе с ней в больницу. По дороге она открыла глаза и с трудом улыбнулась.

– Не говори ничего, молчи, – сказал я ей и сжал не сильно правую руку. – Потерпи, сейчас приедем в больницу, и всё будет хорошо.

– Мне уже хорошо, – сказала она вполголоса. – Ты рядом, остальное не страшно...

Оля заметила мои слёзы и хотела, что-то ещё сказать. Я приложил палец к её губам и подмигнул. Лицо у неё было бледное и худое. Кто её ранил? Террористы или же солдаты при штурме? Этого я знать не мог, до тех пор, пока сама она не расскажет.

– Всё позади, родная моя, лежи спокойно и не старайся шевелиться. Родителям твоим я позвоню, и они скоро придут в больницу.

Машина с включённой сиреной неслась по городу, объезжая утренние пробки. Чем окончательно закончился штурм, я не знал. Террористы, получили по заслугам, и теперь меня тревожило только здоровье Оли. Она лежала на носилках исхудавшая и слёзы не переставали течь из глаз.

Свободной рукой она вытащила из куртки тетрадь и протянула мне.

– Что это? – спросил я, с удивлёнными глазами.

– Почитай, – сказала она хриплым шёпотом.

Я спрятал тетрадь в рюкзак, чтобы после прочесть.

– Ты, всё поймёшь, когда будешь читать дневник.

– Хорошо! Ты только не волнуйся и не беспокойся. Тебе необходимо поправится, потом всё сама расскажешь.

Мы приехали в больницу и Олю повезли на осмотр. Я остался ждать в одиночестве в коридоре. Позже в больницу начали доставлять других раненых, и уже через час, там негде было протолкнуться. Приехали Олины родители, и мы уже все вместе ожидали вердикта врача. Вышел он с приятной улыбкой на лице и, вытирая об полотенце руки сказал:

– Здоровью девушки ничего не угрожает, и уже завтра её можно будет проведать. Сейчас она ещё под наркозом, и спит крепким сном.

Я долго тряс доктору руку и благодарил, пока отец Оли меня не отдёрнул.

– Нам Сашка пора, езжай домой отдохни и выпишись, как следует.

Глава 8

Дома меня, встретила бабушка, и мне пришлось ей обо всём рассказать. Хотя толком я ничего не знал. Штурм, захват, убитые террористы. Эту информацию передавали по всем каналам. Я не сказал, что Оля ранена, дабы лишний раз не волновать её.

– Что с Олечкой? – спросила бабушка. В глазах у неё притаился испуг, а руки дрожали.

– Она в больнице на обследовании и в скором времени поправиться.

– Ты правду говоришь?

Голова плохо соображала, и я лёг на диван, ничего не ответил и моментально уснул. Разбудил мобильный телефон. Шеф звонил с работы и просил приехать. Через час я был в редакции и рассказывал о том, что увидел. Он дал мне несколько дней на подготовку материала о захвате театра и спросил об Оле.

– Передавай от меня ей большой привет, – сказал шеф, и выделил деньги на цветы.

– Это от нашего коллектива, за мужество и героизм! Кстати ты её попроси рассказать о том, что творилось внутри театра. Это будет интересно читателям, узнать правду из первых уст.

– Хорошо, я всё подробно узнаю.

Я медленно шёл по оживлённой улице, хотелось обдумать злополучные дни и немного успокоится. Тетрадь. Как же я забыл о ней? Вот тоже мне...

Рука машинально потянулась в рюкзак, и нащупала мягкую обложку. На месте. Ни куда не пропала. Может позвонить Оле и поговорить с ней? Нет, буду ждать до вечера. Терпение и ещё раз терпение.

От ласковых осенних солнечных лучей на душе становилось теплее. Я непроизвольно улыбнулся и девушка, которая шла мне на встречу, ответила тем же.

«Поделись, улыбкой своей, и она к тебе не раз ещё вернётся...»

По дороге мне попалась кофейня, и я решил зайти и почитать тетрадь. Выбрав пустой столик, я взял чашечку кофе, достал из сумки тетрадь и принялся за чтение.

Страницы дневника:

«Когда мы с Женькой вышли из буфета – что-то захлопало. Как выстрелы. Я испугалась, схватила его за руку, и мы побежали в зал. А там все стояли с испуганными лицами и смотрели на сцену. Кавказец – их ни с кем не спутаешь – в пёстрой форме и с автоматом на плече что-то говорил, но все так шумели, что было не разобрать, о чём. И мы, протиснулись вперёд, поближе к сцене.

Дети плакали, жались к родителям, но мне стало ещё страшнее, когда до сцены оставалось рукой подать. Кавказец был не один. Остальные разошлись по первым рядам и силой расталкивали людей по сиденьям, материли, замахивались оружием. Тот, на сцене, продолжал говорить, народ в зале понемногу смолкал, и я разобрала слова:

– Вы все – заложники.

Он сказал это с презрением, а потом добавил:

– Мы бойцы независимой республики Ичкерия. Если надо – умрём за неё.

Женька жался ко мне, а меня колотила дрожь – это не игра! Это террористы! Настоящие! От ужаса ноги стали ватными, я едва не потеряла сознание. А люди вокруг ещё не верили, не понимали, что случилось. Они возмущались. Один кричал, что он депутат, второй – работник мэрии. Только чеченцев это мало интересовало.

Их командир выкрикнул:

– Мы умрём вместе с вами! – поправил автомат и показал на женщин с закрытыми лицами, которые стояли позади него. – Это вдовы чеченских героев. А ваши солдаты сейчас топчут нашу землю!

Жёлтые зубы – мне подумалось, что прокуренные – обнажились в злобном оскале. Женька притих, а я совсем сомлела от страха. По небритым рожам кавказцев и по глазам закрытых платками чеченок читалось – эти пойдут на всё. Им неведом страх, они оставили его в горах...»

Я остановился читать, на лбу появилась от напряжения лёгкая испарина. Кофе мой давно остыл и, подзвав официанта, я заказал себе новый.

«Боже мой, что им там пришлось пережить, кошмар какой-то. Три дня полного беспредела», – думал я, рассматривая через стекло улицу. В Москве за эти три дня ничего не изменилось, машины стояли в пробках, молодёжь возле киоска пила пиво и что – то горячо обсуждала. И ни кому в принципе не было дела до тех несчастных людей, переживших мучительные дни ожидания. Когда в любой момент тебя могут поставить к стенке и расстрелять. Официант принёс кофе, я сделал несколько не больших глотков и с интересом продолжил чтение.

– Мы достаточно хорошо вооружены и в этом здании находится такое огромное количество взрывчатки, которой

хватит взорвать половину Москвы!

В словах этого чеченца не было даже намёка на ложь, и в зале не осталось ни одного человека, который бы не поверил этой наглой роже. В его движениях скрывалась неведомая сила, которая не оставляла ни малейших шансов, тем кто ей ни подчинится.

«Неужели такое бывает», – думала я, и как кролик смотрит на удава, так и я, вслушивалась в каждое слово, движение этого страшного выродка. Старалась найти хоть малейшую слабинку, в жестах, в голосе, но её, увы, не было. Женька спрашивал о том, что с нами будет? Отпустят или нет домой? И я старалась, как могла смягчить эту ситуацию, придумывая всякую ерунду. Лишь бы брат не задавал глупых вопросов.

– Не волнуйся, нас спасут, – говорила я шёпотом брату и сама старалась верить словам.

Одной из женщин в зале стало дурно и её под руки увели боевики. Буквально через несколько секунд прозвучал один хлопок, а за ним второй. Первая возникшая мысль – женщину застрелили... Мне стало плохо, и я едва заметно качнулась. Но нет! Этого не может быть! Мы же цивилизованные люди, двадцать первый век!

Боевики, выведившие женщину, вернулись вдвоём. Странно. И почти сразу привлекли к себе внимание заложников. Их командир, предвидя реакцию людей, на действия своих бойцов, сказал:

– Без паники! Ей оказана первая помощь!

Но мало кто из присутствующих поверил словам, о какой-то помощи. Люди осознали, что это была первая жертва. И неизвестно, сколько ещё будет впереди...

Я машинально закрыла Женьке глаза руками. Он оторвал мои руки от лица и решительно сказал:

– Оля, не надо. Я уже давно взрослый и всё понимаю.

Заглянув ему в глаза, я поняла, что он не обманывает. Но притворившись, сказала:

– Вот я всё отцу расскажу, он задаст тебе трёпку. Взрослый уже? И как давно ты им стал, – скажи.

Женька надулся как воздушный шарик. Я дёрнула его за руку и, смягчившись, сказала:

– Ну, хорошо, не обижайся, не буду я ничего отцу гово-

ритель.

«Где же помощь? – думала я. – Неужели, снаружи никто не знает, что здесь происходит? Как же так? Почему не видно милиции и военных? Может просто, их не пускают в зал? Святая наивность – кто сюда кого впустит? А так иногда хочется верить в сказку, в счастливый конец. Сашка ждёт на улице и ничего не подозревает. А мама, папа? Ведь я могу их больше не увидеть...» И сердце предательски закололо. «Нас спасут, обязательно», – бормотала я себе как молитву под нос, и, не выдержав напряжения, рухнула в кресло. Сил не осталось совсем. Женька стоял рядом, наблюдая за тем, что будет дальше.

– Я буду верить, не смотря ни на что.

И твёрдо решила отбросить всякие сомнения, набраться мужества и ждать».

Глава 9

Страницы дневника:

«И тут я вспомнила о мобильном телефоне. Надо незаметно попробовать позвонить и сообщить о случившемся. Сашка, наверное, рядом и он сможет в этой ситуации помочь. Как мне его сейчас не хватает. Он умный и нашёл бы выход из этого положения.

Рука аккуратно опустилась в сумочку за телефоном. В зале стоял невообразимый галдёж, но я решила рискнуть и позвонить. Боевик, который стоял в проходе заметил движение моей руки и направился в нашу сторону.

«Вот и всё он сейчас меня точно убьёт», – подумала я и сжалась.

Тот не сказал ни слово, но сразу резко вырвал сумочку из рук. Тут же открыл её и начал в ней рыться. Он, наверное, решил, что я спрятала маленький женский пистолет? Однако не нашёл ничего подозрительного, и бросил сумочку мне в лицо.

«Вот сволочь! Попался ты бы мне, я бы из тебя всю душу вытряс. И научил хорошим манерам», – думал я, читая страницы дневника.

От этих мыслей во мне проснулась определённая доля самоуважения, которая до этой минуты спала. Зазвонил телефон и я подумал, что это из больницы звонит Оля. Но нет. Это любопытный шеф, которому не терпелось узнать новости.

– Саша, как там у тебя дела? Есть продвижения с материалами?

И я рассказал ему об Олиной тетради.

– Как, кстати, она себя чувствует?

Мне по правде стало неловко, потому что, зачитавшись, я совсем забыл ей позвонить.

– Так ты говоришь интересный материал?

– Это просто – бомба, а не материал. Сижу читаю, не могу оторваться. Оля может работать первоклассным журналистом! Прямо готовая статья для газеты, или же сценарий к фильму.

– Хорошо, – громко сказал шеф, – у тебя два дня со всем разобраться. И если, всё, правда, мы обязательно напечатаем, тема «горячая». Удачи! Через два дня жду в редакции.

Я позвонил Оле в больницу, но её телефон был выключен. Позвонив родителям Оли, я поговорил с мамой. Она сказала, что утром её навещала.

– Как она себя чувствует?

– Уже Саша, сама выходит из палаты, врачи говорят, что где-то в течение недели выпишут домой. Ты пойдёшь её проведать?

– Обязательно сегодня вечером пойду.

– Женька рвётся с тобой поговорить.

– Дядя Саша! Вы читали Олину тетрадь?

– Ты знаешь, вот как раз сейчас этим и занимаюсь! А ты откуда знаешь про тетрадь?

– Мне Оля её показывала. Она хотела мне её отдать, но потом передумала и оставила себе.

– Ага, понятно. А ты, что-то хотел ещё рассказать?

– Да нет, иногда вспоминаю свои приключения, и хочется поскорее вырасти, чтобы стать военным.

– Вот как, ну ты даёшь! Молодец! Я тебя полностью поддерживаю в твоих начинаниях. Совет один хочешь?

– Конечно, хочу!

– Ты обязательно занимайся спортом и учись хорошо! Понял? Придёт время, поступишь в военное училище. Как говорят, старые солдаты знаешь? «На твой век ещё хватит». Всё, друг и будущий солдат, пока. И отцу передавай привет. Мне очень хотелось продолжить, но я принял за чтение.

Страницы дневника:

«В зале стояла гробовая тишина, кто-то из мужчин воскликнул:

– Что вы хотите, чего добиваетесь?

– Мы хотим видеть Родину свободной! Дышать чистым и не загрязнённым вашими танками воздухом. Чтобы небо было голубым, и не летали русские самолёты! Независимо-

сти без чьей либо помощи, жить, строится и развиваться.

– А мы здесь при чём? – сказал высокий мужчина в костюме.

– Вы в ответе за действия своего правительства. И несёте ответственность за всё то горе, которое принесли ваши войска, самолёты, артиллерия, танки.

– Я командир боевой группы Руслан Асхадов! И смело об этом заявляю, не желая больше скрывать своё лицо.

И он демонстративно сорвал платок, который закрывал часть лица.

– Моей группой долго и тщательно готовилась эта операция. Здание полностью заминировано. Надеяться на помощь своих собратьев, вам бессмысленно и бесполезно. К театру невозможно подступится. У нас остались сподвижники, которые в случае непредвиденных действий русских, окажут нам поддержку. Чтобы вы увидели и поняли то, что мы настроены серьёзно, я прошу двоих мужчин из зала подойти ко мне. Есть в зале мужчины? Или мужчина это только тот, кто носит брюки?

Обстановка постепенно накалялась и видно было, что Ас-

хадов начинал нервничать, дёргая затвор автомат. Все стояли в полном оцепенении. Боевик указал на мужчин, которые ближе всего стояли у сцены. Двое чеченцев направляя дуло автоматов на людей, приказали им подняться. Когда мужчины уже практически приблизились к Асхадову, прозвучало два выстрела. Один заложник, затем другой упали на пол одновременно. Под одним из убитых образовалась большая лужа крови.

В зале поднялась паника. Женщины начали биться в истерике и звать на помощь. В любую секунду могла случиться беда. Боевики теряли контроль над ситуацией. И в этот момент Асхадов поднял вверх оружие и начал стрелять. Гул автоматной очереди оглушил людей и заставил притихнуть. Ситуация складывалась не в пользу беззащитных заложников».

Глава 10

Я остановился и со злостью закрыл дневник. Перед глазами стояла картина кошмарных событий.

«Как быстро идёт время», – подумал я, хотя возвращаясь к только что прочитанным страницам, понимал, для заложников в те дни, время как раз стояло на месте.

«У кого есть мобильный телефон, может один раз позвонить. Потом всем отдать телефоны. Кто этого не сделает, будет расстрелян на месте. Всем понятно?»

Я продолжал читать Олин дневник и вспомнил этот момент, когда она мне позвонила...

«Я отдала свой телефон и села в кресло. В ушах стоял шум, я не могла сообразить, что делать дальше? Женька поник и практически ничего не говорил. Чувствовалось, что ребёнку сложно видеть этот кошмар, который не каждый взрослый выдержит.

«Надо попроситься в туалет», – подумала я, и с силой нагнув Женьку к себе, сказала ему на ушко:

– Мы идём в туалет. Ты понимаешь, о чём я?

В его глазах я не увидела понимания и положительной реакции на мои слова. В зале творилось, что-то немыслимое. Многим женщинам стало плохо от заявлений чеченцев, и они нуждались в самой элементарной воде, я не говорю уже о медикаментах и осмотре врачей. Дети плакали навзрыд и просились в туалет. Боевики принесли не много бутылок с водой и бросили их в зал. Я поднялась, и крепко сжав руку брату, начала его тянуть к выходу. Нас не останавливали, и только возле двери чеченка спросила:

– Куда вы? Вернитесь быстро обратно!

Она надвигалась на нас как гора, не собираясь сворачивать. Прижав к двери, сняла с лица повязку, и угрожающе щёлкнула языком.

Сделав кислое лицо, я начала умолять её отпустить нас в туалет.

– Пожалуйста, выпустите нас, мальчику плохо, необходимо в туалет. Через одну минуту мы вернёмся.

Чеченка на удивление смягчилась, но резким голосом сказала:

– Только быстро!

А сама отвернула голову и сделала вид, что нас не заметила.

– Скорей, скорей, Женечка дорогой!

Мы бежали, сломя голову, по театру, не зная где выход. Мысль была одна, только бы убежать. О страхе я забыла, он внезапно исчез. Женька дёрнул меня за рукав и закричал!

– Оля возле выхода боевики, надо где-то спрятаться!

Я открыла первую дверь, и мы спрятались, закрывшись в тёмном помещении. Это оказалась подсобка, в которой хранились – тряпки, веники, вёдра. Женьку колотило от страха, да и по правде меня тоже. Не каждый день попадаешь в такие ситуации. В тишине было слышно, как громко стучат наши сердца, готовые в каждую минуту выскочить из груди. Свет мы включать не решились, чтобы таким образом не привлечь внимание чеченцев и не выдать себя. Так в темноте мы вдвоём и сидели, как два загнанных в угол зверька».

– Всё, надо собираться и ехать домой.

Я закрыл дневник и направился к выходу. Выйдя из кафе,

медленным шагом побрёл к станции метро. День выдался замечательный и от удовольствия я зажмурил глаза. Солнце приятно согревало и на душе становилось уютней. На лице появилась искренняя улыбка. Наверное, от того, что всё уже позади и жизнь продолжается. Вечером обязательно поеду в больницу к Оле и проведу. От предстоящей встречи становилось легко, хотелось петь и кричать на весь мир. Приехав домой, я перекусил, и решил вздремнуть часок. Но тут на глаза попался дневник и я понял, что уснуть, не смогу, пока не прочитаю дальше.

Страницы дневника:

«Что с нами будет, что с нами будет? – твердил Женька, не переставая. – Оля, неужели нас убьют, и мы никогда не увидим маму, папу, друзей...

– Перестань, – сказала я ему, хотя мороз пробежал по спине от слов брата.

Это действительно могло оказаться правдой. Я задумалась, вспоминая школу, институт, друзей. Какие были замечательные годы! Только сейчас я понимала, как всё-таки у меня в жизни всё складывалось хорошо. Родители, учёба, отношения с Сашкой. Перспектива интересной работы и т. д. Любила ли я Сашу? Конечно, хотя, и не так часто говорила

ему об этом. А надо было твердить каждый день. И дорожить теми счастливыми мгновениями, которые нам дарила судьба. И вот только сейчас я поняла, какая я была бессердечная дура. От печальных мыслей я опустила голову и горько заплакала. Всё рушилось на глазах, выхода я не видела из этой ситуации. Женька начал гладить меня по голове, приговаривая:

– Не надо Олечка плакать, не надо...

Понимая, что такое самобичевание до добра не доведёт я взяла себя в руки.

«Конечно, мы беспомощны и беззащитны, но снаружи целая страна и армия, которая нас не бросит и защитит» – думала я.

От этих мыслей воспрянула духом, и слёзы высохли на глазах. Прижала покрепче брата к себе, и поцеловала.

– Нас спасут Женечка, не волнуйся! Там Сашка, родители, армия. Мы ещё им всем покажем.

Я крепко сжала кулак и потрясла им со злостью в воздухе. Сколько времени мы провели в этой комнате, я не знаю. Уже практически не раздражал противный запах хлорки, и других химикатов. Казалось, что всё это кошмарный сон, и он

в скором времени закончится и всё будет, как и прежде. Так незаметно я уснула, и разбудил меня луч света, когда резко открылась запертая дверь. Внутри всё задрожало, я увидела рядом мирно спящего Женьку. Реальность была настолько неприятной и мерзкой, что я машинально съёжилась и приготовилась к самому худшему. Кто – то сильный схватил меня за воротник и принялся вытаскивать из комнаты. Это был мужчина огромного роста и исполинского телосложения.

Увидев при свете его лицо, я ужаснулась. На правой щеке был огромный шрам, который делал выражение лица зловещим. Маленькие и хитро прищуренные глаза не предвещали ничего хорошего. Когда он попробовал заговорить, лицо исказилось, и получилась мерзкая гримаса из фильма ужасов. Безумная, нечеловеческая сила пугала настолько, что тело в одно мгновение стало чужим, вялым и беспомощным.

От ужаса я закричала и хотела ударить ногой чеченца, но из этого ничего не получилось. Он казалось, ещё сильнее сжал в кулаке воротник. Дёрнул с такой силой, что чуть не оторвал его полностью. Ткань предательски затрещала.

– Отпустите меня! Отпустите, – закричала я, – мне больно.

– Молчи сука, – сказал чеченец и направил автомат в мою

сторону. – Это, что ещё за пацан? – спросил он, на ломаном русском.

Женька съёжился и ещё крепче обхватил руками колени.

– Это мой брат, не трогайте его, он совсем ещё ребёнок.

– Не тебе решать, как мне поступать. Ты думала здесь пересидеть с этим щенком и спокойно уйти домой? Не получится красавица.

Он начал противно и мерзко смеяться, было неприятно слышать этот ехидный смех. Я решила молчать и не отвечать на вопросы. Моё равнодушие разозлило боевика, и он встряхнул меня за воротник как котёнка.

– Говори тварь, или я за себя не отвечаю.

Достав из внутреннего кармана охотничий нож, он пригрозил им. Потом рукой со всей силы ударил по лицу. Стало обидно за свою беспомощность. Я терпела, молчала, но внутри бушевала не буря, а самый настоящий ураган. Не выдержал Женька, поднявшись, он со всей силы ударил чеченца ногой в колено.

– Не трогай её! – сказал он громко, и вскочил в стойку как

настоящий боксёр.

Чеченец взревел от боли, и я увидела в его глазах львиную злобу.

– Ах ты, щенок, да я сейчас тебя на куски разрежу.

Я упала на пол и схватила его за ноги. Ещё чуточку, и он бы нас с Женькой убил, не раздумывая. Вмешался другой боевик, который внезапно пришёл, показывая своим видом, что он старший.

– Не трогай мальчика Закир! – сказал он голосом, не терпящим возражений.

– Дети здесь ни при чём, и мы многих освободим.

– Аслан, что ты говоришь? Из этого щенка через несколько лет вырастет солдат, который с оружием в руках будет воевать против нас.

– Вот вырастет, и возьмёт в руки оружие, тогда мы с ним как мужчины поговорим. А пока не трогай ребёнка!

– Не забывай Аслан, что этот мальчишка может быть сыном

какой-нибудь шишки из правительства и мы сможем его обменять на кого-то из наших братьев. Или же взять хороший выкуп. Деньги, особенно доллары, ходят во всех странах мира. Имея деньги, мы сможем купить много оружия для наших людей.

– Ты прав Закир, но не забывай, такая спешка, нужна в двух случаях. При ловле блох... Мы затеяли очень серьёзное дело и наша святая обязанность всё довести до конца. Нам необходимо умение быть хитрее противника. Ты думаешь, что русские дураки и сидят, сложа руки? Нет, брат, мы уже наделали достаточно глупостей и сейчас не стоит разминиваться на пустяки. Иди лучше и помоги присматривать за заложниками, а с этими я сам разберусь.

И он по-дружески, похлопал чеченца по плечу.

– Помни, зачем мы сюда пришли и какая наша главная цель!

– Хорошо Аслан, я всё сделаю не переживай, прости мне мою несдержанность!

Нас с Женькой повели по длинному коридору. Из носа у меня текла кровь, и я чувствовала, как он распух от удара боевика. Чеченец протянул носовой платок, чтобы я вытерла

кровь.

– Кто охраняет детей? – спросил Аслан, когда мы пришли в зал.

– Тамара охраняет. С ней есть женщины, – сказал мерзкого типа чеченец.

Он всё время шмыгал носом, и тёр его рукой. Часть лица у него была в порошке белого цвета. Меня это удивило, и я присмотрелась к нему внимательно. Глаза водянистые, неестественная улыбка, не может стоять без движения. Как заведённый волчок, крутится в разные стороны – наркоман, сделала я вывод.

– Сколько детей в заложниках? – спросил Аслан.

– Всего у нас – 137 детей под охраной, – ответил на вопрос старшего боевик. Мы поместили их отдельно, чтобы они не так шумели.

– Отведи этого пацана туда, и усильте охрану детей двумя мужчинами. Понял? Выполняй, и хватит кайфовать. Не надоела наркота?

– Не-а, – ответил этот урод, и достал из кармана малень-

кий пакетик.

Я не хотела отпускать брата, но чеченец силой вырвал его из моих объятий.

– Женья, Женечка, ничего не бойся, – крикнула я ему вслед. – Нас обязательно спасут, не теряй надежды!

– Спасут, спасут, – скривился как клоун боевик и рассмеялся диким хохотом.

Смех его был похож на лай бездомной собаки, противный и отталкивающий. Он хотел потрогать мою грудь, но я отбила кулаком его руку и показала всем своим видом, что готова постоять за себя. С грустными глазами я смотрела вслед брату, понимая, что могу живым его не увидеть. Стало больно в груди, и я горько заплакала».

Глава 11

По пути в больницу я купил Оле фрукты и цветы. Решил ей не звонить и сделать сюрприз. Настроение было хорошее и сердце с радостью ждало предстоящей встречи. В автобусе было не многолюдно, и я с удовольствием разглядывал осенние пейзажи. Москва радовала своим великолепием. В душе я, конечно, как и каждый москвич, гордился тем, что живу в столице. Огромное количество событий, знакомств и масса других вещей, которые происходили в течение одного дня. Моя работа приносила удовольствие. Пускай я не главный редактор и даже не его заместитель, но какие мои годы...

Когда вышел из автобуса, то практически не заметил, как с шага перешёл на бег. Расталкивая прохожих и прикрывая букет цветов, я летел на крыльях любви! В регистратуре узнал, что Оля лежит на четвёртом этаже. Не стал ждать лифта, я побежал по ступенькам наверх. Пациенты и обычные посетители улыбались мне вслед, видя с какой скоростью, бежит молодой парень с цветами. На четвёртом этаже чуть было не сбил с ног медсестру с медикаментами. Извинившись перед женщиной, я старался усилием воли успокоить сердцебиение глубоким дыханием. Перед дверью палаты поправил взъерошенные волосы и постучал.

– Мои любимые розы! – воскликнула она, когда увидела меня в дверях.

Я с торжественным видом вручил букет цветов. Обнял осторожно и поцеловал.

– Сашенька, наконец-то ты пришёл! Я уже хотела тебе позвонить. Где ты был так долго?

– Не хотел тебя тревожить и по правде зачитывался твоим дневником.

– Правда?

– Правда, ну давай не об этом. Как ты себя чувствуешь? Что говорит врач?

– Врач, – сказал Саша, – что ещё неделю придётся провести в больнице. Ранение не тяжёлое и я уже иду на поправку.

– Слава Богу! Как самочувствие, после пережитого стресса?

– Уже лучше, правда бывает страшно до сих пор, и я вздрагиваю от каждого стука в дверь. Такое впечатление, что чеченцы рядом и в любой момент всё повторится.

Оля закрыла руками глаза и заплакала.

– Не обращай внимания Сашенька, как только закрываю ночью глаза, так вижу минуты захвата. Взрывы, автоматные очереди, плачь, мольба о пощаде. Невозможно спокойно об этом говорить. В одно единственное мгновение прощаешься с жизнью и с тем, что в ней дорого и свято.

Я обнял Олю и прижал покрепче к себе. Было слышно, как громко стучит у неё сердце и я на короткое мгновение ощутил, то, что она чувствует.

– Жаль, что меня там не было вместе с тобой, вдвоём мы бы нашли выход.

– Да нет, не придумали бы ничего. Геройствовать хорошо дома, перед экраном телевизора или же с книгой в руках, а на самом деле, всё совсем по-другому. Когда на тебя направлено дуло автомата не до геройских поступков. Думаешь об одном, выстрелит или нет?

В этот момент постучали в дверь и Оля непроизвольно вздрогнула. Пришёл доктор и сказал, что мне пора уходить, а больной делать уколы. Я простился с Олей и сказал, что завтра её проведу. Уходил я с тяжёлым сердцем, понимая, что девочка пережила за три дня. Домой я возвращался без

настроения.

«Надо приехать – думал я, – и хорошо выспаться. Оставлю все разговоры с бабушкой на завтра, сам лягу спать»

Утром проснулся рано, и захотелось сделать зарядку. Бабушка приготовила на завтрак оладьи и уже ждала меня на кухне, чтобы поговорить и узнать об Оле. Я её успокоил и сказал, что в течение недели её выпишут из больницы, и она придёт к нам в гости.

– Как она себя чувствует? – спросила бабушка.

– Ты знаешь гораздо лучше, хотя сказывается пережитый стресс. Лицо бледное, уставшее, она вспоминает своё заточение со слезами на глазах.

– Ты чаще Саша навещай её, она как никогда сейчас нуждается в твоей поддержке. Возьмёшь оладьи и угостишь. Может мы вдвоём, её проведем?

– Да нет, бабуля, не надо. Ей сейчас лишние эмоции ни к чему. Ты увидишь её, начнёшь плакать, жалеть. Пускай спокойно выздоравливает.

– Хорошо, хоть мне, и хочется её навестить, но я воздер-

жусь!

– Я в обед поеду к ней, сейчас надо в редакцию.

На работу я приехал как раз к летучке. Послушал очередной втык шефа подчинённым и заглянул к Валерке на кофе. Он был большой мастер по свежим анекдотам, и пока парочку не рассказал, не отпуская. Вышел я от него и решил заглянуть к Александру Ивановичу. Он довольно хорошо меня встретил, и мы с ним обсудили мою статью о террористах.

– Идея, у тебя не плохая Саша, но что с дневником? Ты поговорил с Олей?

– Пока ещё нет, но сегодня всё точно узнаю.

– Хорошо, друг мой, удачи тебе и привет Олечке передай!

В больницу я быстро приехал, время было обеденное, и мы могли обо всём спокойно поговорить. Я набрал по мобильному телефону Олю и сказал, что жду её внизу.

Оля вышла на крыльцо больницы, и непроизвольно зажмурилась от солнца. Она была одета в светлый халат, и одной рукой держалась за плечо. Осторожно обняв её, я помог сесть на скамейку.

– Ты не замёрзнешь?

Оля отрицательно покачала головой, и с грустью спросила:

– Ну, Сашка рассказывай, какие там новости?

– Новости Олечка главные на сегодняшний день это захват театра. По всем каналам передают подробности и не скоро об этом забудут. В газетах целые страницы посвящены этому. Интервью с заложниками, родителями, детьми.

– Ты знаешь, в больницу тоже приходили журналисты и расспрашивали. Нет желания говорить об этом и вспоминать.

– Если не хочешь, то мы поговорим в другой раз.

– Нет, ты знаешь мне просто необходимо высказаться, столько накипело за это время.

– Хорошо, тогда давай с самого начала и старайся ничего не пропускать.

– Да ты и так читал дневник и многое знаешь.

В этот момент она достала ещё одну тетрадь и сказала:

– Вот держи, это продолжение моих приключений.

– Как продолжение? Ты, что не всё написала в дневнике?

– Нет не всё. В тетради начало, а здесь уже о том, что было дальше.

– Ты до конца не прочитал?

– Пока нет, но читаю с большим удовольствием Олечка, тем более, что мне дали задание в редакции написать об этих событиях статью.

– Даже так? – удивилась Оля. – Тогда я правильно сделала, что написала.

– Ты прямо Дарья Донцова или же Александра Маринина! Я когда читал, не мог оторваться! Из тебя получился бы не плохой романист!

– Ты смеёшься надо мной?

– Да нет, ну что ты, – и я крепко обнял её и поцеловал.

– Когда читаешь, создаётся впечатление, будто сам там находишься. Картинка – живая, яркая. Много деталей и хороший грамотный слог.

– Я писала по ночам, боялась, что заберут тетрадь и прятала её. В дневнике не всё, что нам пришлось пережить. Там не было необходимого количества бумаги.

– А, что же там ещё происходило, расскажи.

– В тетради продолжение, вторую часть я дописала в больнице. Попросила у медсестры тетрадь и уже более спокойно старалась писать. Свои выводы я сделала, когда разговаривала с террористами.

– А ты что с ними общалась?

– Да, не много. Переживала за брата и сама напросилась к женщинам, которые охраняли детей, в помощники.

– А, – а, – а, – протянул я, – тогда понятно. Я ещё об этом в дневнике не читал.

– В этой тетради прочитаешь, только давай не говори об этом маме и отцу, хорошо?

– Не знаю, зачем я это всё написала? Не могу понять? Рисковала жизнью, как партизанка на войне, – сказала Оля и задорно засмеялась.

– Ах, ты моя Мата Хари, – сказал я, и погладил нежно Олю по волосам.

– В больнице человек пятьдесят из театра. Люди не общаются, большинство угрюмы и молчаливы. Раньше я никогда не испытывала желание к таким литературным опытам, а тут на тебе. Сама удивлялась, но писала с большим удовольствием. Мне кажется, что за эти дни повзрослела лет на десять.

И она начала с умным видом вертеть головой в разные стороны.

– Не на десять, а на пятнадцать, – сказал я и залился от смеха.

Оля поняла, что перегнула и засмеялась вместе со мной.

– Родная моя, вот теперь я узнаю тебя, – и ещё крепче обнял её. – Ты такая же, как прежде.

– Уже я чувствую себя лучше, хотя плечо болит, особенно

по ночам. Когда пустили газ, я потеряла сознание. Начался штурм, люди бегали в панике, не зная где спастись и куда бежать.

Она поникла и грустным голосом сказала:

– Приходи завтра, ладно?

– Конечно, конечно, я приду, может, что-то тебе принести?

– Да нет, ничего не нужно, ещё мама придёт и Женька. Читай тетрадь, если что, звони. Бабушке привет передай, как там она поживает?

– Спрашивает о тебе каждый день, я ей не говорил, что ты ранена.

– Ну и правильно, не зачем её волновать. Ну, всё пока, до завтра.

Она поцеловала меня и медленно направилась в больницу. Я проводил её нежным взглядом, точно зная, чем буду заниматься сегодня вечером.

Глава 12

Дома меня встретила бабушка и прямо с порога давай расспрашивать об Ольге.

– Не спеши, дай хоть раздеться, – сказал я ей. – Всё с Олей в порядке. Уже скоро будем встречать из больницы.

– Ужинать будешь?

– Буду, только руки помою.

На кухне мы, молча поужинали, и уже в зале за чашкой чая я рассказал об Оле. Придумывал подробности, на ходу, чтобы хоть как то её успокоить. Она очень внимательно меня слушала и не перебивала.

– Я смотрела по новостям, – сказала она. – Хотя конечно это одно, но вот быть там, совсем другое. Бедная девочка. Увидеть такое своими глазами. На это способны только храбрые люди. Ты знаешь Сашка, что тебе повезло с будущей женой.

– Бабушка, мы с Олей даже не говорили об этом.

– Рано или поздно, всё равно поговорите, поверь мне. Ты же любишь её?

– Конечно, я люблю её, и не представляю, что было бы со мной, если с ней случилось несчастье? Даже страшно об этом подумать.

– Сколько ей ещё лежать в больнице?

– Неделю точно.

– Слава Богу! – сказала она и налила в чашку чай.

– Бабушка, что-то ты в последнее время часто вспоминаешь Бога.

– А как же внучек жить без Веры, Надежды и Любви? Нам дана жизнь один раз и она, к сожалению, слишком быстро проходит. Не успеваешь оглянуться, а уже старость. Вот хочешь, я тебе расскажу не большую притчу о том, как человек встретился с Богом? Раз уж мы затронули эту тему, послушай. Жил, когда-то Саша – миссионер, который прославился на весь Христианский мир тем, что обратил к вере очень много разных людей. Ему приходилось бывать в самых забытых уголках нашей земли. И вот однажды его корабль причалил к небольшому острову, на котором жил один человек.

Миссионера поразили его ясные глаза. Но ещё больше удивило то, что этот человек, никогда и ничего не слышал о Боге. И он долго и горячо проповедовал ему Слово Божие. Во время беседы этот миссионер видел, что никто и никогда так его не понимал и с таким усердием не слушал. После он рассказал ему об основных молитвах. И они вдвоём помолились. В конце дня миссионер был доволен проделанной работой и спокойно отплыл от острова. Но тут он увидел великое чудо! Кто-то, шёл по воде к кораблю. Точнее не шёл, а можно сказать бежал! В великом страхе миссионер упал на колени, уверенный в том, что видит божьего ангела или же самого Бога! И тут из уст человека, который не просто шёл по воде, а бежал, он услышал: «Эй, приятель не торопись! Я забыл последнюю молитву. Ты не мог бы ещё раз повторить её?» Вот такая притча. Да ты я вижу, засыпаешь уже? А ну давай иди отдыхать.

С трудом передвигая ногами, я направился в свою комнату. Не раздеваясь, так и рухнул на диван и сразу отключился. Ночью мне снились удивительные сны. Я смеялся, летал во сне. А потом на необитаемом острове я встретил человека, который всё понимал и даже ни разу не возразил мне. Мы с ним долго и оживлённо беседовали, и на душе было легко и спокойно. Тут появилась Оля, её брат Женька, родители, террористы и всё перемешалось. Самое интересное это то, что тот человек стоял на песке, а все остальные люди его не

замечали. Они разговаривали между собой, спорили, ругались. А это человек стоял в центре и просто мило улыбался, наблюдая за этой картиной. Такой улыбки я больше никогда и нигде не встречал. Невозможно было отвести взгляд от голубых глаз, из которых исходило необыкновенное тепло и любовь. Наконец-то люди заметили его и обступили. Тут же к нему потянулись десятки рук, с просьбами о помощи.

– Помоги нам, помоги нам, – повторяли люди.

Огромная Вселенная находилась в этих глазах, в этом удивительном и необыкновенном человеке. Я начинал понимать, что это – Он! Это Он! Творец Мира и Создатель! А я всего лишь маленькая песчинка в океане житейских будней.

Проснулся я рано и хорошо отдохнувшим. Голова была свежая, и я чувствовал, что сон пошёл на пользу. Я вспомнил, что мне приснилось, и задумался.

«Всё-таки интересно устроена жизнь, – начал я свои философские размышления, в ванной комнате чистя зубы. – Днём происходят одни события, а ночью во сне, чуть ли не разговариваешь с Богом!» В том, что это был Он, я уже ни капли не сомневался. Правда, лицо, я совсем не мог его вспомнить. Оно смазывалось на общем фоне кипящих событий. Глаза, взгляд, улыбка. От одних воспоминаний в душе

начинали происходить необъяснимые изменения. Становилось легко и радостно. Как будто за спиной выросли крылья, и я могу летать. С таким настроением я и поехал на работу.

Александр Иванович встретил меня тепло и приветливо. Он как старая акула пера чувствовал довольно впечатляющий материал. И без особых предисловий спросил:

– Твоё мнение Саша, о записях в тетради?

– Над этим материалом стоит потрудиться, и можно написать повесть или же даже детективный роман.

– На повести или романы друг мой, у нас просто нет времени. Готовь статью и на этом точка. Время идёт, и мы не имеем права затягивать с материалом. Это актуальная тема, а мы ещё ни одной статьи не напечатали.

– Вы знаете, если так, тогда можно сдавать в набор даже в рукописном виде. Внести корректорские правки и всё. Написано мастерски и довольно занятно. Я по правде давненько не читал ничего подобного.

– Так может, возьмём Ольгу к нам на работу? После того как она выпишется с больницы, на твоё место, что скажешь?

И он довольно ехидно улыбнулся.

– Шучу я, шучу.

И он по-дружески обнял меня.

– Ты знаешь, я очень ценю твою журналистскую хватку, которая в нашем деле просто необходима. А она у тебя есть. Не совсем на должном уровне, но задатки не плохие. Сколько тебе ещё надо времени на статью?

– В течение этого дня я сделаю и принесу.

– Вот это другой разговор! Не так уж и много нужно для удачной статьи. Первое – это сюжет. Он у тебя есть. Второе – это умение изложить и преподнести читателю, да так, чтобы он не мог оторваться. И последнее – это выводы, которые не должны расходиться с общественным мнением. Ты согласен, или нет, со мной? Тогда давай за работу и вечером жду.

Я вернулся домой и до вечера писал статью. Оля позволила, и я ей сказал, что не смогу сегодня приехать. Она расстроилась, но отнеслась с должным пониманием. Попросила, чтобы я ей обязательно дал прочитать этот материал. Уже под вечер я отвёз статью в редакцию и с замиранием сердца стал ждать мнение шефа. Он читал внимательно, иногда делая правки карандашом, и с одобрением кивал.

– Ты хорошо потрудился, – сказал он, и протянул руку. – Вот так бы каждую статью писал, тогда точно бы не сидел в разделе новостей. Молодец! – сказал он громко, – можешь ехать домой, отдыхать.

Он налил в стакан минеральной воды и, запивая таблетку, выпил.

– Ох, и замучили меня эти лекарства. Жена прохода не даёт, следит за тем, чтобы я регулярно их принимал, и не забывал. А у меня в голове другие проблемы.

Он махнул рукой и уселся за стол.

Домой я вернулся поздно и сразу лёг отдыхать. Настроение было не плохое и единственно, что меня по – настоящему беспокоило это здоровье Оли. Ранение. Где и при каких обстоятельствах она могла его получить? Дневник! Конечно, в нём все ответы на интересующие меня вопросы. Читать уже не было сил, и я решил завтра обязательно продолжить чтение. Оставалось листов десять, их я не успел прочитать и вторая тетрадь. «Всё прочту завтра», – и с этими мыслями я выключил бра, и уснул.

Глава 13

На следующий день, чтобы дома не сидеть, я решил отправиться в парк, и на природе продолжить чтение. Перекусив на скорую руку, вышел из дому. Погода стояла потрясающая! Приятный лёгкий ветерок давал в полной мере насладиться осенью. Как написал поэт:

«И осень огненный парик, срывает ливневыми лапами...».

Я шёл, не замечая прохожих, радовался жизни, как самый счастливый человек. По дороге мне попался не большой парк, и я решил найти скамейку, чтобы уединиться. С замиранием сердца открыл дневник и начал с интересом читать:

Страницы дневника:

«Лица чеченцев закрыты тёмными повязками. Не сразу можно было разглядеть, кто скрывается за маской, мужчина или женщина? «Какие-то они странные, – думала я, занимая одно из кресел, – неповоротливые, толстые, почему так?» И я начала более детально изучать обстановку. На них одет, дополнительный пояс. Взрывчатка! Меня бросило в жар, и я

вытерла пот со лба. Кошмар и абсурд этой ситуации мешал сосредоточиться.

В зале горел не очень яркий свет и, создавалось впечатление, что мы находимся в бомбоубежище. В проходах стояли бочки с водой и люди толпились в очереди, чтобы напиться. Эти наглые чеченские рожи разрешали выпить кружку воды. Не больше. Многие люди спали, остальные сидели в тягостном унынии, молча склонив головы. Чеченцы, ходили между рядами, и внимательно наблюдали за происходящим. Их командир громко разговаривал по сотовому телефону и вызывающе смеялся на весь зал. Он похож был на злобного Мефистофеля, для которого не составляло труда взорвать всё, и при этом самому уцелеть. Не хватало театральной шпаги и чёрного плаща.

Мужчины со злобой посматривали на оружие боевиков, в их взглядах проскальзывала лютая ненависть. Казалось, что если боевики хоть на секунду замешкаются, то ситуация сложится не в их пользу. Хотя всё это только мои предположения. Каждый человек в первую очередь думает о своей безопасности, о сохранении жизни близких людей. Героев, к сожалению, не осталось. Я размышляла, стараясь отвлечься от грустных мыслей. Обстановка была крайне угнетающая. Даже не от страха, хотя конечно он присутствовал, скорее от беспомощности. Я не раз смотрела по телевизору о том, как

захватывают заложников. Даже читая газеты и журналы, становилось жутко, когда гибли ни в чём неповинные люди и им не могли помочь. Чак Норрис, Брюс Ли, Рэмбо. Герои Голливудских боевиков. Хотела бы я посмотреть на них здесь. Я улыбнулась краешком губ. Слезы на лице высохли, и я поняла, что необходимо что-то предпринимать. Просто так, я не собиралась отдавать свою жизнь. Не хватало информации, это угнетало больше всего. Я начала вспоминать всё, что доводилось читать, в надежде на то, что вспомню ценное и важное. Правительство предпринимает шаги к спасению, хотя, что им до моей жизни...

Если ничего не получится с освобождением заложников, все спишут на военных, которые не успели, хорошо подготовится к операции. Все погибнут, а родственникам принесут официальные соболезнования, только и всего.

«Вот дура, о чём я думаю!» От таких мыслей на сердце давил груз и становилось дурно.

«Нет. Стоп. Нельзя допускать негативных мыслей. Только позитивные мысли должны присутствовать в этой ситуации. Думай о позитиве, светлом и добром», – заставляла я сама себя. Вспоминала события, которые особенно, запечатлелись в памяти, искала душевные моменты, чтобы воспрянуть духом. Ужасно хотелось кушать, и порой эти мысли сбивали весь позитивный настрой. Я вспомнила бабушкины

пирожки...

Какие же они вкусные, особенно после того, как их только вынули из духовки. Надо будет обязательно научиться печь. В желудке от этих мыслей заиграла оперная симфония. О еде нельзя думать, нельзя.

Хорошо рассуждать на сытый желудок, но на пустой не очень. Ага, что-то начало происходить, так как чеченцы забегали и засуетились. Сердце начало так сильно стучать, что я невольно положила правую руку на грудь, чтобы успокоить набегающее волнение. Кричат, ругаются, между собой. Это не может не радовать, когда в стане врага паника! Ура!

Плохо когда не знаешь язык и не можешь понять, о чём идёт разговор. Как они понимают друг друга? Чеченский язык шёл вперемешку с грузинским, русским.

Внезапно прозвучали выстрелы, один, второй. Кто-то смог сбежать из театра, услышала я. На душе стало теплей от того, что людям удалось вырваться на свободу, и рассказать о нашей трагедии. От этих мыслей я машинально опустила голову вниз и улыбнулась.

– Ты, что собака русская смеёшься? – сказал один из боевиков, подходя ко мне.

Передёрнув затвор автомата, он направил дуло прямо мне

в лицо, и с угрозой в голосе прошипел как змея:

– А ну выходи сюда сука, блядь русская!

Я поднялась, колени подкосились, ноги моментально стали ватными, непослушными. Прощаясь с жизнью, я закрыла лицо дрожащими руками.

– Руки за голову, за голову сука! – крикнул бородатый бовик.

Я подняла руки, и он тут же дулом автомата толкнул меня в солнечное сплетение. Удар оказался сильным, и я от боли прикусила до крови язык. Замерла в ожидании выстрела. Руки были сцеплены на затылке, и от напряжения по ним бежал липкий пот прямо за воротник.

– Мама, мама, мамочка. Прости меня...

Я заскулила как бездомное животное, которому негде укрыться и спастись.

– Зачем такую красавицу убивать? – брось Руслан.

– Давай, уединимся с ней и там поговорим по душам, как мужчина с женщиной.

Он начал с ненавистью в голосе смеяться и с жадностью смотреть на мою грудь и ноги. Его бешеные глаза полностью раздевали меня, и становилось противно и мерзко от этого. От него исходил неприятный запах алкоголя перемешанного с табаком, а суровое в шрамах лицо похотливо улыбалось, в ожидании развлечений.

– Иди, я через пять минут приду.

Я дрожала как осиновый лист от страха, и готовилась к своей дальнейшей участи.

– Ты танцевать умеешь?

Вальяжной походкой подошёл ещё один боевик. Он был не высокого роста, без бороды и усов, и похожим на русского.

– Хорошая тёлка, давай друг тyani её в угол.

Я начала молиться всем богам одновременно.

«Иисус, Аллах, Кришна... Кто-нибудь, спасите меня...».

Слёзы заливали глаза, от гнетущего напряжения я почти ничего не слышала. Чеченец взял меня за руку и потянул

за собой. Я вырывалась, сопротивлялась, как могла, только всё было бесполезно. Он был гораздо сильнее меня, а значит шансы мои на спасение, приравнялись к нулю.

И тут произошло самое настоящее чудо. Или мой Ангел хранитель услышал мою мольбу и вступился за меня?

Нас остановила женщина, это я поняла по огромному поясу на её талии и голосу.

– Что ты хочешь Тамара? – спросил боевик женщину, со злостью.

– Мне нужна помощница. Нас мало и трудно очень, управляться с детьми. Отдай её мне, прошу тебя. Развлечения всё равно никуда не денутся.

От ненависти боевик так встряхнул меня, а потом швырнул на пол как мокрую тряпку, что шлёпнувшись, я чуть не поломала руку.

– Повезло тебе, сучка русская, но я ещё вернусь за тобой и трахну. Никуда ты от меня не денешься. Поиграюсь с Русланом с тобой, а потом зарежу как бешеную собаку, мне терять нечего.

И тут же он вытащил огромный кинжал. Острое и отточенное лезвие мгновенно отразило падающий на него мерцающий свет. Эта мразь, оттолкнула меня ногой как собаку, и я растянулась на полу.

– Забирай Тамара, только потом я вернусь за ней, и ты отдашь мне её.

– Хорошо, хорошо, когда мы закончим, ты можешь, прийти и забрать.

– Спасибо вам, – сказала я шёпотом, поднимаясь с трудом с пола.

– Вы спасли мою жизнь, и я очень вам благодарна.

– Хватит, трепаться языком, – сказала Тамара, пошли со мной и не вздумай выкинуть какой-то фокус.

Она вытащила внушительных размеров пистолет и пригрозила им.

– Пристрелю сразу, если замечу, что-то подозрительное.

– Нет, нет, не волнуйтесь, всё в порядке, – сказала я ей, согнувшись пополам. Разболелся живот, и я не могла выпрямить спину.

– Ты, что больна? – спросила она более мягким голосом. – Если не здорова, тогда я возьму другую женщину.

– Сейчас всё пройдёт, я абсолютно здорова. Просто испугалась, и уже простилась с жизнью. Да вдобавок ко всему ничего не ела.

– Понятно, идём у нас с тобой много работы. Жратва у нас есть и я накормлю тебя.

Превозмогая боль, я выпрямила спину и попыталась дружески улыбнуться своей спасительнице. Шли мы, минут пять по коридору, пока не вошли в небольшой зал, в котором находились дети. Женька тут же подбежал ко мне и обнял.

– Это твоя сестра? – спросила Тамара у мальчика.

– Да, родная сестра.

Женька ещё сильнее обнял меня. Я погладила брата по голове.

– Так сказала Тамара, в ближайшие пару часов мы отпустим часть детей.

Она говорила тихо, стараясь, чтобы нас никто не услышал.

– Твой брат уйдёт домой, если ты будешь добросовестно мне помогать.

– Буду, буду, не переживайте. Говорите, что я должна делать?

– Иди и поговори с детьми и постарайся их успокоить. Пускай не создают лишний шум и сидят смирно. Выводи их в туалет по одному и не задерживайся. Я буду за всем наблюдать и контролировать твои действия. Потом распределишь еду и накормишь тех, кто голоден. И смотри за порядком, ты всё поняла?

– Да, я поняла и постараюсь всё сделать, так как нужно.

– И выяснишь у детей, где работают их родители. И есть среди родителей военные или же депутаты.

Я непроизвольно прикусила нижнюю губу, понимая к чему, это всё может привести.

– Дети, у которых родители простые граждане будут освобождены в первую очередь, остальных нам придётся подержать ещё здесь.

– Хорошо, я поговорю с детьми. Скажите Тамара, где про-

дукты?

По лицам детей было заметно, что многие из них уставшие и голодные.

– Сейчас нам принесут еду, и ты начнёшь их кормить. А пока иди к ним знакомиться.

Я повернулась и вместе с Женькой пошла к детям, думая о том, как выйти из этой ситуации, чтобы никто не пострадал.

– Так Женька, будешь слушать меня и помогать. Ты уже знаешь, детей? С кем-то познакомился?

– Да, Оля я знаю некоторых, – сказал Женька по-взрослому, как настоящий мужчина.

При этом он сделал серьёзное выражение лица. Я обратила внимание, что он за это время изменился и стал капельку взрослее.

– С некоторыми я давно знаком и мы друзья.

Я лихорадочно соображала, как быть? Нельзя допустить, чтобы пострадала детвора, чьи родители военные или же чиновники. Нужно поговорить со всеми и попытаться объяснить как себя вести и что говорить. В зале стояла невыноси-

мая духота и жара. Окон не было, а вентиляция либо не работала, либо её наглухо закрыли. Детвора вела себя на удивление спокойно. Правда, девочки были психологически подавлены, у многих глаза оставались опухшими от слёз. А мальчики собрались в отдельный круг и как заговорщики о чём-то шептались. Ко мне подошёл мальчик лет тринадцати и сказал, что папа у него работает на правительство.

«Вот так сюрприз», – подумала я.

Усевшись в кресло, я посадила его к себе на колени и погладила.

– Меня зовут Оля, а тебя?

– Олег, – ответил он.

– Так вот Олежка, послушай меня очень внимательно и сделай так, как я тебе скажу. Ты должен мне доверять.

– Я постараюсь, – сказал он, и начал внимательно слушать.

– Ни кому не рассказывай о своём отце.

– Почему? – спросил он, с обидой в голосе, широко открывая от удивления голубые глаза.

– Папа обязательно всех спасёт, честное слово.

– Не в этом дело. Я уверена, что он у тебя хороший человек, только сейчас лучше ни кому об этом не говорить. Боевики только и ждут такой ситуации. Ты уже взрослый и должен понимать, что эти люди не шутят, и от твоих слов может зависеть жизнь других людей. Если спросят, про родителей скажи, что папа работает водителем автобуса, а мама воспитателем в детском саду. Понял?

– Понял, я ни кому больше не скажу об отце.

– Вот, и молодец! А ты знаешь ещё детей, у которых родители военные или начальники большие?

– Не знаю, я больше никого.

Мальчик сделал серьёзное лицо и задумался.

– Так вот, тебе задание, пойти и поговорить с другими детьми, только, чтобы этого никто не заметил. И про девочек не забудь, а после придёшь ко мне с этими ребятами, если узнаешь о таких. Договорились?

Я дружески сжала ему крепко руку и поцеловала. Что де-

лать дальше? И я решила всё-таки собрать детей в круг, чтобы с ними поговорить. Тамара сидела в стороне и наблюдала за мной.

– Дети, дети – сказала я сильным голосом, придавая тембру командирские нотки.

– Давайте все ко мне! И разбудите тех, кто спит.

После этих слов ни осталось, ни одного ребёнка, который бы не поднял голову и не посмотрел в мою сторону. Те дети, которые спали, были разбужены сверстниками.

– Давайте сделаем большой круг!

– Зачем это делать? – спросил мальчик, которому на вид можно было дать лет пятнадцать.

Он выглядел старше всех и вёл себя независимо. Поправив густые, кучерявые волосы на голове, он первый подошёл ко мне. Другие не хотели и с явной неохотой сходились в круг. Я вышла в центр и осмотрелась по сторонам. Тамара в этот момент вышла из зала, и я поняла, что у меня есть, пару минут для откровенной беседы с детьми.

– Ребята, – сказала я, наклонившись шёпотом, – слушайте внимательно, пожалуйста, не задавайте вопросов.

Дети заинтересовались таинственным разговором и дружелюбно смотрели на меня.

– Я такая же заложница, как и вы все здесь. Меня поставили смотреть за вами. Вот мой родной брат Женя, многие его знают, поэтому вы можете мне доверять. Когда у вас будут спрашивать о родителях, ни в коем случае не говорите правду. Это я говорю о тех детях, у которых родители военные или члены правительства. Лучше молчите, либо же придумайте профессии для них, простые и обычные. Учитель, водитель, охранник и т. д. Бандиты не любят наше правительство, военных, депутатов. Дети, у которых родители работают на правительство, автоматически становятся их врагами. Их не отпускают домой. Я не могу долго вам объяснять, почему так? Вот Олег он всё расскажет, если кому-то непонятно. Пожалуйста, я очень прошу вас, меня послушать и поступить так, как я вам объяснила. И ни каких разговоров в присутствии чеченцев.

– А когда нас отпускают?

– В ближайшее время вы сможете, вернутся домой.

И только я закончила, как появилась в дверях Тамара. Фу, слава богу, успела поговорить и я от усталости, напряжения

рухнула в кресло.

Подошла Тамара, и я ей сказала, что поговорила с детьми, и они себя будут вести прилично.

– Есть дети военных?

– Нет, Тамара, таких детей нет.

– Не верю я тебе.

Она решила пойти поговорить с детьми.

– Кто из вас хочет пойти домой? – сказала она с явным притворством в голосе.

– Если вы молчите, то я понимаю, что все хотят скорее вернуться к родителям. Так или нет?

Дети молчали и испуганно переглядывались между собой.

– Мальчик подойди ко мне, – сказала Тамара ребёнку и позвала к себе. – Вот ты мне скажи, не бойся, кем работает твой папа?

– Мой папа охранник в магазине.

– А мама?

– Мама работает на обувной фабрике.

– Ты не обманываешь?

– Нет, а зачем мне вас тётя обманывать?

Он посмотрел на неё внимательно и мило улыбнулся.

– Ясно. А у тебя девочка с косичками? Как тебя зовут?

– Наташа.

– Наташенька, кто твои родители?

– Папы у меня нет, мы живём с мамой и бабушкой.

Она громко захныкала, содрогаясь от частых всхлипов.

– Тётенка! Тётенка, отпустите меня домой, я хочу к маме.

Видно было, что девочка говорит правду и Тамара, сжалившись, сказала ей, что скоро она пойдёт домой. Её не

устраивала такое положение вещей, и она лично каждого ребёнка спрашивала о родителях. Я поднялась от нарастающего напряжения и думала об одном, чтобы никто из детей не сказал правду. На помощь Тамаре пришли ещё две чеченки, которые продолжили уговаривать детей рассказать о родителях».

Я закрыл дневник и задумался. Вот так ситуация, ничего не скажешь. По правде я бы никогда не смог предположить, что Оля такая смелая, отважная, и не растеряется в таком положении. Молодец! Мне стало по-особенному приятно. Я всегда чувствовал, что она необыкновенной души человек. Ко мне подсел на скамейку пенсионер, и чтобы не заводить не нужных с ним разговоров, я с неохотой пересел на другую скамейку и продолжил чтение.

Глава 14

Страницы дневника:

«Детей начали строить в цепочку. Получилась длинная вереница из тридцати пяти человек. Чеченцы были явно не довольны таким поворотом событий, но другого выхода у них не существовало. Я поняла, что наступило время освободить детей, и правительством предпринимаются шаги для нашего спасения. Я попросила Тамару с братом на прощание поговорить.

– Успокой маму и отца, ты понял? Пускай не переживают. Я уверена, что скоро нас всех отпустят. Сашке скажешь, что я его люблю, и он для меня самый лучший.

Женька в знак понимания неоднократно кивал головой, и я на прощанье его крепко поцеловала.

– А дядю Сашу тоже поцеловать от твоего имени? – сказал он и, скривившись, засмеялся.

– Ты не умничай, а сделай всё, как я тебя попросила. Ты

уже не ребёнок и всё должен понимать.

В душе у меня была не совсем спокойно, потому что я не знала, действительно их отпустят, или нет? Пришли три боевика и увели детей. Остальная детвора начала плакать и просится домой. Я как могла их успокаивала и говорила, что скоро они будут дома. Женьки рядом не было и от тоски, стало холодно.

Я заплакала от боли, и досады. Тамара, видя это, отвела меня в сторону и сказала:

– Я понимаю, что ни ты, ни тем более эти дети ни виноваты в том, что произошло. Вы оказались случайно в этой ситуации. Я женщина и поверь мне на слово, больно всё это видеть.

Тамаре необходимо было хоть с кем-то поговорить, чтобы облегчить душу, найти пусть небольшую частичку понимания.

– Никто Оля из нас не хотел этой войны, будь она проклята. Сколько погибло невинных и несчастных людей. Мой народ не такой жестокий и кровожадный, как о нас пишут и говорят. Ты хоть раз была в наших краях?

– Нет, не доводилось.

– У нас замечательная земля и очень дружелюбные и гостеприимные люди. А какие горы и воздух!

Она присела на край стула и опустила голову. По правде в одно мгновение, мне стало жаль Тамару. Я внимательно на неё посмотрела, она вздрогнула и подняла голову с заплаканными глазами.

– Ты ещё ничего в жизни не видела. Ты просто девчонка. Тебе ни понять, ни меня, ни мой народ. Сколько нам всего пришлось пережить. Об этом одному Аллаху известно.

Она хотела, что-то сказать, но в этот момент боевики принесли еду и питьё для детей. Один из них увидел заплаканное лицо Тамары, спросил, почему она плачет, и что случилось?

В ответ Тамара промолчала и ушла вместе с боевиком, а я одна осталась с детьми. Интересно, что она хотела рассказать? Меня не оставлял этот вопрос и я решила подождать удобного момента, чтобы поговорить. Дети дружно уснули после еды. Напряжение последних часов стало идти на убыль, хотя я прекрасно понимала, что эта передышка временная. Наблюдая за мирно спящими детьми, я даже не

много им завидовала. Так хотелось спать, а когда проснуться, чтобы этого ничего было. Закрыв глаза, я начала считать до ста, в надежде на то, что долгожданные минуты сна всё же придут.

– Проснись Оля, проснись! Кто-то усиленно тряс меня за плечо.

– Это я, Тамара, проснись.

Действительность обрушилась на меня как снежный ком на голову. Задремала я неожиданно и провалилась в небытие. Мне снилось, как папа и мама готовят меня в первый класс. Мы ходили по магазинам, выбирали школьную форму. Папа за примерное поведение купил мне мороженное, и я с большим удовольствием лопала его за обе щёки. Когда открыла глаза, так во рту ещё ощущался привкус московского пломбира.

– Вот бери, съешь.

Тамара мне протянула бутерброды с колбасой, и я с жадностью на них набросилась. Старалась как можно скорее перебить вкус мороженого. Когда начала жевать, поняла, насколько голодная. Оглянувшись, увидела, что дети продолжают спать и всё вокруг тихо и мирно.

– Тамара, это не сон? – спросила я женщину. – Может мне всё сниться?

– Нет, к сожалению это правда, – ответила она.

Тамара открыла красный термос, и я почувствовала аромат крепкого кофе.

– Выпей и согрейся.

Она протянула чашку с кофе, и я начала делать большие глотки, обжигая язык и губы.

– Сколько сейчас времени?

– Где то около двенадцати.

– Есть изменения или нет?

– Да нет ни каких изменений, – ответила она. – Русские как обычно только обещают, кормят «завтраками». Мы надемся, что всё закончиться мирным путём.

– Ты в это веришь Тамара?

– Приходится верить, ведь я такой же человек, как и ты, и тоже не хочу умирать. Хотя страх смерти присутствует только в начале, а потом ты его просто не замечаешь.

Я молчала и не хотела её перебивать.

– Когда я была моложе, Оля, верила в то, что жизнь никогда не закончится. Всё казалось таким прекрасным и удивительным. Перед тем, как выйти замуж строила планы на будущее и, казалось, что в жизни нет ничего невозможного. Муж, дети, хорошая и дружная семья. После внуки и спокойная старость на земле своих предков. Я жила в Грозном, там выросла и закончила школу. Потом встретила свою первую и единственную любовь. Его звали Джохар. Мы поженились, я родила двоих мальчиков – близнецов. Нам с Джохаром помогали родственники, и мы в девяностых годах построили свой большой дом, в котором воспитывали детей. Ты знаешь, я была, по-настоящему счастлива. Добрый, заботливый муж, послушные дети. Живи и радуйся! Всё закончилось в один из дней, когда Президент Ельцин в 1994 г. направил русские войска, на юг страны, свергнуть наше правительство. Задача у военных была восстановить конституционный порядок и разоружить банды.

Так, Оля, всё выглядело официально, но на самом деле русские представляли собой сборище недисциплинированных людей. Солдаты не восстановили порядок, но и наруши-

ли все мыслимые законы. Устроили насилие, грабежи, убийства. Это в той стране, которую они считали своей. Торговали оружием через дырки в заборах военных городков, чтобы на эти деньги купить водку и наркотики. Мародёрство считалось самым обычным делом. Мой народ решили испытать на прочность, забыв при этом, что такие моменты в истории уже имели место. Мы хотели независимости, с полным на это правом. Ты, может быть, последний человек в моей жизни, с кем я говорю по душам.

На минуту она замолчала, после продолжила.

– Муж мой Джохар, погиб в самом начале войны. Росли сыновья, и я знала, что они пойдут по стопам отца. Иначе просто и не могло быть. У нас такие законы, каждый мужчина в первую очередь – воин. То, что творилось в Грозном, невозможно высказать словами. Перемешалось всё на свете. Ночь уступила место дню, а день ночи. Я не обвиняю солдат, их и солдатами назвать трудно. Обычные подростки, оторванные от материнских рук. Большинство из них были обычным пушечным мясом, которым набивали танки и БТРы. Они и стрелять не умели, я не говорю уже о простой армейской подготовке. Долг, офицерская честь, для них это было пустым звуком, который абсолютно ничего не значил.

Я слушала Тамару очень внимательно, старалась ничего

не пропустить. Потом уже записала всё, что услышала в свой дневник. До утра не смогла уснуть, перед глазами всплывали картинки тех событий, о которых Тамара мне рассказала. Эти дни заключения я не смогу забыть никогда. Несколько дней назад всё было не так... Спокойная, мирная жизнь, в которой не было боевиков, Грозного, Чечни, заложников. О том, что творилось в Чечне, я не раз читала и смотрела по новостям. Это была настоящая трагедия, особенно для мирных жителей. Но то, что это затронет лично меня, я и в кошмарном сне не могла представить. В это трудно было поверить, но к своему великому сожалению, это оказалось – правдой. Слава Богу, что Женьку отпустили и он уже дома.

Хотя... Может, не отпустили и продолжают держать здесь, в подвале театра? От этих мыслей холодок пробежал по спине, и кожа стала «гусиной».

Ведь чеченцы могли обмануть, чтобы успокоить людей. Нет, зачем им это? Хотя они поступили сейчас как настоящие бандиты и убийцы, а ты такая наивная дурочка им веришь....

Чеченцы пришли сюда умирать, им прекрасно известно, что правительство не пойдёт на уступки. А мы? Что же будет со всеми нами? От таких мыслей я принялась ходить вперёд, назад, словно заключённый в одиночной камере, которому

утром должны вынести смертельный приговор».

Глава 15

Незаметно для самого себя я перешёл читать с дневника на тетрадь. Бедная, бедная девочка. Что ей пришлось пережить за эти трагические дни. В парке к обеду становилось многолюдней. Мне захотелось с кем-то поделиться прочитанным. Мысленно я начал перебирать знакомых, друзей, с кем можно было посидеть и обсудить. Но с кем? И тогда я понял, что более благодарного слушателя и собеседника чем моя родная бабушка не найти. Правильно. И я решительным шагом потопал домой. Дневник произвёл на меня неизгладимое впечатление. Я был первый человек, который его читал. Добравшись без приключений, я застал бабушку дома. Она с интересом рассматривала, какие-то новые безделушки.

«Всё-таки интересные люди старики. – Подумал я, – На улице замечательная погода, а ей хочется сидеть в тесной квартире. Вместо того чтобы гулять в парке и наслаждаться последними, тёплыми осенними деньками».

– Как настроение Саша? – спросила она, отодвигая небольшую золотистую сахарницу.

– Ты знаешь бабушка уже гораздо лучше. Я вчера был у Ольги, мы с ней долго общались.

– Вижу по глазам твоим, есть, что рассказать?

Я кивнул в знак согласия, с горящими от возбуждения глазами.

– Тогда давай так, ты достанешь арбуз, который я купила и разрежешь его, а пока ты это будешь делать, я расскажу тебе не большую притчу.

– Бог слепил человека из глины и у него остался один не использованный кусок. «Что ещё слепить тебе? – спросил Бог у человека.

– Слепи мне счастье, – попросил человек.

Ничего не ответил Бог, а только положил неиспользованный кусок глины в ладонь человеку...».

Я улыбнулся, когда бабушка закончила.

– Каждый человек сам кузнец своего счастья! – Сказал я с гордостью.

– Умница! – Бабушка погладила меня по голове и поцеловала.

Арбуз оказался на редкость спелым и вкусным.

– Как получается у тебя выбирать спелые и сладкие арбузы.

– Вот мы, с тобой, пойдём на рынок, и я тебе покажу, как правильно выбирать. Кстати ты знаешь, мне подруга рассказала, что чем дольше арбуз лежит в помещении, тем он полезней. Он при комнатной температуре продолжает набирать витамины. А вот сразу после того как его разрезали, необходимо спрятать в холодильник. Чтобы не испортился. Вот так дорогой мой. Кстати я принесла два арбуза, один отнеси в больницу Оле.

– Отнесу завтра обязательно!

– Рассказывай, видно по твоим глазам, что уже не терпится.

И я рассказал бабушке всё, что прочитал в дневнике. Она внимательно слушала до конца. После спросила у меня, что я сам думаю по поводу всех этих событий. Я ей попробовал объяснить, хотя внутри кипел гнев и негодование. Начал возмущаться, сыпать от досады крепкими словами.

Она меня остановила и сказала:

– В жизни, Сашенька, много несправедливости. То, что одним кажется правильным, другим наоборот. Самое трудное – это когда надо выносить приговор. Судья принимает решение, но через полгода, или год, оказывается, что человек невиновен. А настоящий преступник на свободе. Сколько таких случаев в жизни. Я прожила достаточное количество лет и не перестаю удивляться тому, на что способен человек. И сколько он может принести боли своему ближнему. Мне не доводилось бывать в тех местах, откуда пришли эти люди, но дыма без огня не бывает. Пишут газеты, телевидение об этом постоянно говорит. Война – это всегда плохо, ни одна из воюющих сторон не может оправдать своих действий. Виновных найти трудно, а иногда это происходит через десятки, сотни лет.

Она тяжело вздохнула и продолжила:

– Я видела своими глазами разбитые и разрушенные города. Мучительно больно вспоминать годы мучений и страданий. С одной стороны конечно прав чеченский народ. Они хотят независимости, но им не дают этого сделать. А с другой стороны, беспорядки начавшиеся там ещё до ввода войск, не оставляли правительству другого выхода. Необходимо было защитить мирное население, по этой причине, ввели войска. Не всегда газеты пишут правду, да и телевидение искажает

факты. Слава Богу, что Олечка жива и здорова и не сильно пострадала в этой ситуации. Это большой стресс для молодой девушки и от тебя, Саша, многое зависит.

– Что именно? Не пойму тебя.

– Твоё внимание, забота, по отношению к ней, должны стоять на первом месте. Ты мужчина и обязан защитить своего любимого человека. Знаешь, что мы с твоим дедушкой несколько лет жили на Кубе?

– Ты когда-то говорила, правда очень не много об этом.

– Я могу рассказать, слушай. Вполне возможно, что тебе в работе пригодится. Удивительная личность Фидель Кастро. О нём пишут и говорят много, но сам народ его уважает и любит. В 1944 г. он завоевал титул лучшего спортсмена школьного возраста на Кубе.

– Я не знал этого...

– Ты много ещё чего не знаешь, – она добродушно улыбнулась. – Так вот, революционными идеями он заболел ещё в университете. Уже тогда с другими студентами он участвовал в неудачной попытке свержения диктатора Батисты. На Фиделя Кастро было совершенно, огромное количество

нападений, потому что он многих не устраивал. Будучи во главе правительства он закрыл на Кубе все казино, бордели и ночные клубы, которые приносили огромные прибыли мафии. Тем не менее, на волосок от смерти он находился всего дважды в жизни. Фидель был арестован при неудачном штурме казарм Монкада. Если я не ошибаюсь, это было или в 1951 г., или же 1952 г. Практически всех его единомышленников схватили и расстреляли. Фиделя отправили в тюрьму. Батиста распорядился, чтобы ему тайно в еду положили яд и отравили. Но капитан, которому поручили это сделать, отказался и раскрыл тайный план Батисты. После этого случая Батиста отказался от таких намерений и Фиделя осудили на пятнадцать лет тюрьмы. К этому моменту его поддерживала большая часть страны, включая и зажиточных кубинцев. При такой поддержке народа, после двух лет заключения он был освобождён. До революции на Кубе, не умели читать и писать большая часть населения. Твой дедушка имел педагогическое образование и ему предложили поехать на Кубу, чтобы там поработать учителем. Вот так мы с ним туда и попали.

– Бабушка у тебя просто замечательная память!

– Что есть, Сашенька, то есть. Мы около десяти лет там жили. Ты тогда был маленьким, поэтому, практически, не знал этой истории.

– А, что же было дальше? Расскажи, я очень тебя прошу об этом.

– Дальше Куба начала строить социалистическое общество, и наш Советский Союз помогал в этом. Разных специалистов отправляли туда для работы. Куба стремительно росла и мужала. Фидель бросил призыв: «Если не грамотен – учись, если грамотен – учи!».

Образование в стране стало бесплатным, и вскоре эта проблема решилась. Пятьдесят лет назад мир оказался на пороге ядерной войны. Попытки США оказать на Кубу как экономическое, так и силовое давление заставили Кубу ещё больше сблизиться с Советским Союзом. Провалилась очередная попытка свержения Фиделя и наш Никита Хрущёв предложил разместить на Кубе советские ракеты. Президенту США Кеннеди доложили, что Куба имеет в своём распоряжении ядерное оружие. И вот в 1961 году Кеннеди едва не уступил совету своих военных нанести ядерный удар по Кубе. Так могла начаться – третья мировая война. Советский Союз так и не разместил свои ракеты на Кубе, но правительства двух стран пошли на взаимные уступки. Со временем революция дала свой результат и вывод напрашивается сам собой. Революция освободила людей, дала им работу, образование и надежду на будущее.

– Интересно, очень интересно, я не знал многих фактов.

– Ты я уже вижу, засыпаешь?

– По правде да, ты уж извини меня. Спасибо за интересный рассказ, спокойной ночи.

Я пошёл спать к себе, не переставая удивляться, знаниям и опыту бабушки.

Глава 16

С утра позвонил Валерка с работы и давай обо всём расспрашивать. «Откуда он узнал о дневнике? – Думал я, – Наверное, Ленка проговорилась, или кто-то из редакции».

Я решил сегодня в любом случае дочитать Олину тетрадь, а вечером поехать к ней в больницу. Выключив телефон, я сварил кофе, улёгся на диван и продолжил чтение.

Страницы дневника:

«Уснула я сразу, как только уселась в кресло. И снова приснился сон, в котором я была маленькой девочкой. Папа меня ругал за то, что я порвала новое платье. Стало очень обидно, ведь я случайно задела рукавом платья за край стола.

Проснулась от того, что по щёкам текли горячие слёзы. Вокруг стояла тишина, дети продолжали спать. На душе было больно и обидно.

«Почему нас не спасают? – Думала я, – Неужели забыли и бросили на произвол судьбы...»

После сна во рту пересохло, и я встала, чтобы пойти и

выпить воды. Одна девочка проснулась и потянула меня за край куртки.

– Тётя Оля! Тётя Оля, я хочу в туалет.

– Сейчас пойдём, милая.

Я взяла её за руку и повела за собой, на выход из зала. Заглянув я обнаружила, что в туалете нет окон. Как будто специально их не сделали...

«А если попытаться убежать...», – промелькнула у меня шальная мысль. В коридоре располагалось окно, и рядом никого не было. И как вниз спускаться? Высота довольно приличная. Да всё равно как, лишь бы убраться от этого места. Ну и эгоистка же ты Олечка. А дети? Ты хотела их бросить и убежать? И кто ты после этого? Во мне заговорила совесть и я поняла, что если бы и была возможность убежать, одна и без детей я бы не смогла этого сделать.

– Тебя как зовут? – спросила я пучеглазую девочку.

– Меня зовут Соня, хотя полное имя – София!

– Тогда давай, садись ко мне на колени и рассказывай.

С Сонечкой мы говорили, где-то часа полтора. Она мне рассказала о школе, друзьях. О том, что любит рисовать красками, карандашами. Наш разговор оборвала Тамара, которая пришла с одним из боевиков.

– Ты раненого сможешь перевязать? – спросила она.

– Не знаю, никогда раньше этого не делала.

– Когда-то всё приходится делать в первый раз, если не умеешь, то придётся этому научиться. Пойдём со мной.

– А за детьми, кто будет присматривать?

– Это недолго, за пять минут ничего не случится.

И мы пошли втроём по длинным коридорам театра.

– Уже освободили триста человек, – сказала она. – Очень плохо идут переговоры. Русские тянут время и не хотят идти на уступки.

В холле было много людей, в центре на полу лежал мужчина и стонал. Я увидела на лацкане пиджака депутатский значок. Вокруг толпились боевики и о чём-то, спорили между собой. Тамара взяла сумку с красным крестом и протяну-

ла мне.

– Открой её, внутри есть всё самое необходимое.

Мужчина лежал с закрытыми глазами, лицо его искажала гримаса боли. Я увидела у него два пулевых ранения, в ногу и плечо.

– Потерпите не много, – сказала я ему, – сейчас вам будет легче.

– Вы врач?

– Нет, к сожалению, я заложница и к медицине не имею ни какого отношения.

Перевязав бинтом первую рану, дрожащими руками, принялась за вторую. С ней было труднее, но я справилась и с этой задачей. В сумке лежали антибиотики и обезболивающие таблетки. Я взяла несколько штук и дала их раненому.

Он дрожащей рукой взял у меня стакан воды и запил лекарство.

Сказал спасибо и с трудом улыбнулся.

– Как зовут мою спасительницу?

– Оля, меня зовут Ольга.

– Ещё раз спасибо тебе, Олечка! Скоро вас всех освободят, власти делают всё, что от них зависит, – сказал он шёпотом.

– Скорей бы, – ответила я ему, а сама прислушалась к разговору чеченцев.

– Русские упираются и не хотят выводить войска из Чечни. Просят, чтобы мы освободили женщин и детей! Только потом они предпримут конкретные действия.

– Так мы освободили больше триста человек, разве этого не достаточно? Они думают, что мы шутим, и спокойно, без крови уйдём? Ох, как шайтаны ошибаются.

– Пускай только попробуют штурмовать, я сразу взорву здание. Этот депутат останется у нас, он прибыл с парламентариями и начал довольно резко отзываться о Грозном. Назвал извергами и убийцами.

– Ха! – Ха! – Ха! – засмеялся высокого роста боевик.

– Он не знает, что такое настоящий беспредел! Жаль, что сразу не пристрелил его. Пусть знает собака дикая, как оскорблять честных людей!

– Джамиль, отрежь ему язык, и выброси на улицу. Пускай коты и собаки отведают депутатского язычка.

И они все хором как лошади заржали. И Джамиль, подошёл и со всей силы ногой ударил депутата в живот. Тот закричал от боли и выгнул спину. Чеченец достал нож и медленно провёл по горлу раненого. Тонкая струйка крови потекла на воротник белой рубашки.

– Не вздумай убивать, – закричал один из боевиков.

– Джохар, разреши я вырежу ему сердце.

Джамиль потянул пленного за ворот рубахи.

– Успеешь ещё, время есть у нас, он никуда не денется.

Я дрожала, и старалась не смотреть в их сторону. Боялась я одного, сорваться и закричать от страха. Зубы стучали как мелкая дробь по стеклу. «Хоть бы меня не тронули...» – думала я, от отчаяния.

– Ты, что тут стоишь?

Я поняла, что обращаются ко мне и с ужасом повернулась к ним.

– Пошла на х... отсюда, не то я за себя не ручаюсь.

– Тамара! Тамара! – крикнул чеченец. – Забери эту девку!

Он медленно направился в мою сторону, и я замерла, не зная, что делать дальше.

Второй раз спасла меня Тамара, которая пришла вовремя и остановила этого грозного боевика.

– Не трогай её, она присматривает за детьми. Это я сюда привела её, чтобы она перевязала раненого.

– Много чести для этой русской собаки. Надо было оставить его подыхать. Пускай бы захлебнулся кровью...

Тамара силой меня развернула и толкнула к выходу.

– Иди прямо, не оборачивайся, – сказала она вполголоса.

Я шла ни живая, ни мёртвая, еле передвигая ноги. Во рту

пересохло и хотелось пить. В любой момент могли убить или же изнасиловать. Возле выхода я усилием воли заставила себя повернуть голову и взглянуть на депутата. Он лежал тихо и не стонал.

«Наверное, они его доби́ли, – думала я, – если он не подаёт признаков жизни. Вот сволочи! Поставить всех к стенке и расстрелять. Творят, что хотят, и нет на них ни какой управы. Ну, ничего, скоро всё закончится, и получите по заслугам. Твари» Я вспомнила слова депутата, что помощь скоро придёт и немного, стало легче на сердце.

– Господи! – Помоги этому несчастному! Пускай он живёт, пускай он живёт... – твердила я, не переставая.

Дети обрадовались моему появлению. У многих блестели глаза, и они с открытыми ртами смотрели на меня, в ожидании хороших новостей. Что им сказать, если я ни на минуту не приблизилась к ответу на вопрос, когда это всё закончится и нас освободят?

Тамара на мой вопрос, ответила очередным обещанием и больше ничего. Тоска и холод сжимали сердце.

– Успокой их и пообещай, что они в скором времени будут дома.

У меня раскалывалась голова, и я попросила Тамару хоть какую-то таблетку от головной боли. Сама уселась в кресло и обхватила голову руками, чтобы успокоиться. В висках стучала мелкая барабанная дробь.

– Вот выпей.

Тамара протянула мне таблетку.

– Что это?

– Пей, не бойся, это обезболивающее.

Я взяла и попробовала разорвать упаковку, но руки предательски дрожали. Это увидела Соня и подошла ко мне, чтобы помочь. Она достала таблетку и принесла стакан воды запить.

– Спасибо, Сонечка.

Дети перестали шуметь и затихли. В голове творилось что-то невообразимое. Мысли перепутались, и невозможно было сосредоточиться. Я вспоминала годы студенчества, потом маму, отца...

Тамара сидела возле меня и ни о чём не говорила. Когда я открыла глаза, впервые увидела её лицо без повязки. Это была довольно молодая женщина и очень красивая. На вид ей можно было дать лет тридцать пять или сорок. Я видела по ней, что ей хочется поговорить и единственный собеседник здесь это я. В голове немного прояснилась, и я сама захотела услышать продолжение истории её жизни. Нам никто не мешал и она начала свой рассказ.

Глава 17

– Как только мои сыновья, начали подрастать, я поняла, что не смогу их удержать дома. Зураб и Рашид были смыслёнными мальчиками, не разлей вода. Они конечно мечтали пойти по стопам отца, и я не могла им помешать. Я умоляла их стоя на коленях не идти служить. Но они с упрямством стояли на своём и даже слушать меня не желали. Да и соседские ребята не сидели дома под мамиными юбками, а служили и воевали. Ты не представляешь Оля, как они похожи на отца. Те же движения, тембр голоса, жесты. У Зураба глаза отца, а у младшего нос, лицо, улыбка. Вот рассказываю тебе, и невыносимая боль гложет сердце, потому что понимаю, ничего вернуть обратно нельзя. А так бы хотелось начать всё заново... «Если бы знал, где упадёшь, то соломку бы подстелил»– как говорят у вас. Вначале сыновья попали в так называемое чеченское ополчение, которое состояло из боевиков Кадырова и Ямадаева. А после сдачи Гудермеса в 2002 году, перешли к федералам. Мы сейчас находимся по разную сторону баррикад. У меня одна правда, у них другая. После «кадыровцы» в основном составе перешли в так называемую службу безопасности президента Алу Алханова. Живы они или нет, я не знаю... Муж мой воевал с Дудаевым и погиб в ноябре 1994 года, при захвате телевизионного центра в Грозном. Видела сыновей я очень давно и конечно хо-

телось бы повидать перед смертью. Нас живыми не отпустят, никто не вернётся обратно. Но я знала на что иду, и не жалею ни о чём. Правда сердце предательски болит, с каждым днём всё сильнее. Эта операция долго готовилась, и солдаты пришли сюда добровольно. Пора прекратить этот произвол и оставить чеченский народ в покое.

Я слушала Тамару и в глубине души жалела. Видно было, что она говорила правду, не стараясь, хоть что ни будь приукрасить. Ситуация не позволяла этого сделать и я прекрасно понимала, что жизнь у них закончена. Пощады не будет, после того, что они натворили.

– Нам терять нечего, – продолжила Тамара. – У многих бойцов не осталось близких. На Родине мы станем героями, и солдаты это знают.

– Но ведь это жестоко и бесчеловечно, Тамара, – сказала я ей. – Мы же ни в чём, не виноваты, но должны отвечать за ошибки других. Не правильно всё это. Не правильно. Зачем и за что убивать невинных людей? А дети? Для них вы навсегда останетесь подлыми врагами, и никто не сможет их переубедить.

Я пыталась ей ещё, что-то сказать, но она перебила и ответила, что не хочет меня больше слушать. Потом я осталась

одна и ещё долго размышляла над тем, что она рассказала. Так незаметно наступил вечер.

Наконец-то освободили детей, а я так и осталась в заложниках. Просила и умоляла Тамару отпустить меня, но она оставалась непоколебимой. И на все мои просьбы отвечала категоричным отказом. Причину понять я не могла? Сказать, что я смирилась со своим положением? Нет, конечно. Внутри всё бушевало и требовало возмездия. Чтобы время шло хоть чуточку быстрее, я записывала всё, что слышала, и происходило со мной. Хотелось, оставить записи в тетради. И я твёрдо решила писать.

Буквально через час пришла Тамара и я спросила её о том, что происходит, есть ли изменения?

Она покачала головой и вполголоса ответила:

– Нет...

– Что же будет с остальными?

– Не знаю, Оля, ничего не знаю. Переговоры затягиваются, русские молчат. Я уверена, они не пойдут на уступки и применяют силу.

– Какую силу? – спросила я, с испуганными глазами.

– Начнут штурм театра, тогда и вы, и мы погибнем. Мы обязательно взорвём здание, и всё канет в прошлое.

Она задумалась и после нескольких минут раздумий продолжала.

– Я люблю эту пору года. Осенью чувствуется некий перелом. Всё наполняется новым смыслом, жизнь приобретает другие очертания. Человек замечает изменения в своей душе и мечты наполняют сердце. Появляется второе дыхание, жизнь летит вперёд, не замечая прошлых ошибок. Мне человек напоминает дерево, которые сбрасывает листву и ждёт появления новых молодых листочков весной. Осень – это переход из одного состояния в другое. Начинается умиротворённость и внутренний покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.